

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО
ПРАВА ИМЕНИ РАУЛЯ ВАЛЛЕНБЕРГА

**ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
И ОСНОВНЫХ СВОБОД
НА НАЦИОНАЛЬНОМ И МЕЖДУНАРОДНОМ УРОВНЯХ**

Сборник материалов международной научной конференции
Минск, 3-4 декабря 2014 г.

Минск, 2015

УДК 342.7(476)(06)+ 341.231.14(06)

ББК 67.400.32(4Бей)я431+67.911.11я431

Составитель: Лукина Л.С.

Философско-правовые аспекты защиты прав человека и основных свобод на национальном и международном уровнях : материалы Международной научной конференции, Минск, 3-4 дек. 2014 г. / составитель: Лукина Л.С. – Минск, 2015. – 58 с.

С философской и правовой точек зрения рассматриваются актуальные проблемы защиты прав человека и основных свобод на национальном и международном уровнях.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

Подготовка этой публикации организована Институтом прав человека и гуманитарного права им. Рауля Валленберга в рамках академического сотрудничества с Белорусским государственным университетом и другими учреждениями высшего образования Беларуси при финансовой поддержке Шведского международного сотрудничества по развитию. Высказанные в настоящей публикации мысли и мнения принадлежат авторам и могут не совпадать с точкой зрения Института.

Preparation of this publication is organized by Raoul Wallenberg Institute of Human Rights and Humanitarian Law within the framework of academic cooperation with the Belarusian State University and other institutions of higher education in Belarus with the financial support of Swedish International Development Cooperation. The views expressed in this publication are the thoughts and opinions of the authors and do not necessarily reflect the views of the Institute or Swedish International Development Cooperation.

© БГУ, 2014

© RWI, 2014

Содержание

Калинин С.А.	4
<i>Права человека и власть: философия взаимодействия</i>	
Коротич Е.А.	6
<i>Теоретико-правовые концепции личной свободы человека</i>	
Иванова Т.В.	10
<i>Взаимоотношение светской концепции прав человека и религиозных ценностей</i>	
Зыбайло А.И.	14
<i>К вопросу о понятии и значении международных стандартов прав человека</i>	
Лисовская Т.В.	19
<i>Европейский суд по правам человека и Комитет ООН по правам человека как механизмы защиты свободы совести</i>	
Шавцова А.В.	29
<i>Право народа Республики Беларусь на самоопределение</i>	
Вегера И.В.	34
<i>Развитие несудебных форм защиты прав человека в Республике Беларусь</i>	
Гавриленко А.В.	37
<i>Деятельность органов прокуратуры по защите прав и свобод граждан</i>	
Краснобаева Л.А., Синица И.М.	41
<i>Права заключенных женщин в системе уголовного правосудия</i>	
Бураков В.Н.	45
<i>Право на жилище в БССР в период становления советского права (1917 - 1920-е гг.)</i>	
Хотько О.А.	49
<i>Принципы и методы правового регулирования отношений в сфере защиты прав землепользователей</i>	
Можаева Л.Е.	53
<i>Права инвалидов и налоговые обязательства</i>	

Права человека и эффективность государственного управления

Калинин С. А., Белорусский государственный университет

The author examines human rights conception from formal and substantial points of view paying special attention to relations between human rights and effective state.

Права человека – это сложная система идеологических, мировоззренческих и моральных взглядов о надлежащей организации социальной жизни, адресованных властному субъекту и стремящаяся к закреплению в праве. Концепция прав человека может рассматриваться в формальном и содержательном планах. В формальном плане это совокупность норм, то есть текстов, содержащих информацию об общеобязательных нормах. Однако текст всегда нуждается в своем толковании, которое и дает конкретное содержание норме. Например, современное право на свободу совести включает право избирать, изменять религиозные взгляды либо вообще не иметь их. Однако в период, когда данное право было впервые провозглашено, свобода совести предполагала возможность придерживаться лишь католической, лютеранской и кальвинистской версий христианства. Таким образом, при сохранении неизменности текста произошло кардинальное изменение содержания.

Содержательная сложность прав человека заключается в том, что эта концепция одновременно отвечает на несколько относительно самостоятельных вопросов: 1) кто признается человеком и, соответственно, носителем прав; 2) кто является субъектом защиты прав человека; 3) кто является предполагаемым субъектом нарушения прав человека. Ответ на первый вопрос лежит в плоскости мировоззрения, что подтверждается значительной избирательностью в «озабоченности» ситуацией с правами человека. Например, во многих аналогичных последствии одни случаи получают широкую огласку и реакцию международного сообщества, а другие замалчиваются и игнорируются.

Ответ на последние вопросы также сложны, однако имеют свою методологическую особенность, выраженную в особом статусе государства. Государство в рамках прав человека должно ограничивать себя при помощи данных инструментов и обеспечивать их реализацию, то есть фактически выступает обязанным субъектом. Обязательства государства по отношению к социуму, являющиеся его функциями, всегда имеют стоимостное и ресурсное измерения. Следовательно, лишь наличие у государства определенных ресурсов может гарантировать и обеспечить реализацию прав человека.

Это позволяет сделать предварительный вывод о том, что концепция прав человека, фактически выводящая государства за «скобки» и признающая его субъектом ответственности за их реализацию, не может рассматриваться без государства. Государство

как суверенная легитимная власть, обладающая правом на насилие, в первую очередь призвано обеспечить безопасность населения, то есть создать условия для реализации права на жизнь. Естественно, что в условиях стабильных государств, надлежащим образом реализующих свои обязательства по охране общественного порядка и безопасности, такое прочтение права на жизнь воспринимается само собой разумеющимся, позволяя говорить об иных аспектах этого права. Однако состояние «несостоявшегося» государства, гражданских войн и конфликтов ставят под сомнение саму возможность безопасной жизни носителя прав человека, а также фактически устраняют того субъекта, которому можно предъявить определенные претензии о нарушении прав человека.

Это обуславливает необходимость связи прав человека и эффективного государства, то есть учета возможностей государства в области реализации прав человека. Государственное управление с точки зрения прав человека можно рассматривать так, что любое государство имеет собственные цели, которые, в конце концов, сводятся к обеспечению жизни социума и которые можно рассматривать как форму защиты прав человека. То есть защита прав человека выступает сопутствующей, неартикулируемой деятельностью государства.

Однако, как отмечалось ранее, концепция прав человека является сложной концепцией, включающей по своей сути определенные и часто завышенные требования к государству. Это, с одной стороны, выступает вектором развития государства, но, с другой стороны, может рассматриваться как форма давления на государство. И это, в контексте международного статуса прав человека, позволяет ставить вопросы, во-первых, о субъекте (субъектах) такого давления, во-вторых, об их реальных, а не манифестируемых целях. К сожалению, в последнее время сложилась негативная тенденция, когда под предлогом «заботы» о правах человека осуществляются вторжения и уничтожения суверенных государств.

Здесь нужно учитывать следующее: без сомнения, в государственной деятельности многие практики могут быть объективно рассмотрены как нарушающие права человека, многие государства нарушают ряд прав человека, одновременно гарантируя иные. Однако вторжение и разрушение таких государств (Ирак, Сирия, Ливия и т.д.) вообще создает гуманитарную катастрофу. Так, например, разрушение Ирака и Сирии поставило на грань уничтожения христианскую общину, которая постоянно жила на данных территориях. При этом Сирия и Ирак, без сомнения, трудно назвать демократическими государствами, в них неоднократно нарушались права человека, но их ликвидация (либо попытка ликвидации) привела к массовым нарушениям прав человека, в первую очередь на жизнь и безопасность.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о важности места и роли государства в защите прав человека, фактически создающее исходные безопасные условия, в которых могут быть реализованы права человека. При этом государство не может полностью соответствовать правозащитному стандарту, так как это нарушит саму логику прав человека (моральная критика власти), что необходимо учитывать при проведении правозащитных исследований. Одновременно разрушение государства по основаниям нарушения определенных прав человека, как правило, влечет нарушение общего состояния безопасности в социуме и создает условия для нарушения всех прав человека. Таким образом, именно эффективное государство следует рассматривать условием надлежащей реализации прав человека для его населения.

Личная свобода человека: к вопросу определения сущности и содержания
Коротич Е.А., Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина

The attention to the absence of the unified theoretical-legal conception of the personal freedom is paid in the article under review. On the basis of the analysis of the main international legal documents, constitutional acts of the different states as well as special literary sources the author brings forward the certain signs that define the essence of the personal freedom and can be used for definition of the given freedom. The main points of the introduced definition are: personal freedom is an individual status when person acts according to his will and desired choice.

Личная свобода относится к числу наиболее значимых социальных ценностей, наличие которых обоснованно признается одним из неперенных условий достойного и безопасного существования человека и, как следствие, прогрессивного развития общества и государства. Международные документы (в частности, Всеобщая Декларация прав человека, 1948 г., Международный пакт о гражданских и политических правах, 1966 г. и др.), конституционные акты государств, а вслед за ними и доктрина права, как правило, отводят личной свободе одно из центральных мест в системе основных прав и свобод человека, позволяя классифицировать право на свободу (личную свободу) в качестве наиболее общего (универсального) права, сопоставимого с правом на жизнь и правом на охрану здоровья.

Учитывая особую ценность личной свободы, представители юридической мысли неоднократно обращались и продолжают обращаться к исследованию сущности и содержания данного объекта. Правильно подчеркивая аксиологическую составляющую

личной свободы, ученые-юристы, как правило, трактуют ее содержание в контексте предметной сферы той отрасли юриспруденции, представителями которой они являются. Совершенно закономерно, что подобный подход не способствует формированию единой теоретико-правовой концепции рассматриваемого объекта. В итоге одной из наиболее заметных характеристик современной правовой доктрины в части определения сущности личной свободы стало развитие достаточно спорной тенденции отраслевого наполнения ее содержания, когда относительно единым является лишь терминологическое обозначение – «личная свобода», которое, как правило, используется для характеристики различных, по своей сути, явлений. Как представляется, такого рода ситуация не может не вызвать упреков, причем не только с позиции развития отечественной теории права, но, что еще более актуально, с практической точки зрения.

В условиях отсутствия законодательной дефиниции личной свободы (необходимость закрепления которой, к слову, неоднократно обосновывалась в исследованиях ряда авторов) особого внимания заслуживают сущностные характеристики рассматриваемой свободы, к числу которых мы склонны относить следующие.

Во-первых, личная свобода, будучи нематериальным объектом, реализуется в особой сфере, которая в юридической литературе, к сожалению, характеризуется по-разному: как сфера некоторой обособленности и самоопределения человека [1, с. 17], как сфера его личной жизни [2, с. 50] и т.д. Признавая обоснованность выделения сферы личной свободы, с нашей точки зрения, все же правильнее говорить о таких ее признаках, как отсутствие противоправного внешнего принудительного воздействия и возможность совершения человеком действий, связанных с реализацией его собственных интересов и потребностей. И в том, и в другом случае речь идет о независимости человека, которая может проявляться двояко: с одной стороны, внешняя независимость, т.е. отсутствие внешних относительно человека преград, затрудняющих (делающих невозможной) реализацию его поведенческих (в том числе, двигательных) потребностей; с другой стороны, внутренняя независимость, или отсутствие незаконного принудительного воздействия на сферу волеизъявления лица.

Во-вторых, независимость человека, характеризующая содержание личной свободы, не является абсолютной: она ограничена системой определенных координат, которые установлены в обществе и признаются обществом. Помимо внешних относительно человека границ его личной свободы (такowymi являются правовые ограничения, наличие которых допускается, в частности, ст. 25 Конституции Республики Беларусь и конкретизируется отраслевым законодательством), мерой данного состояния являются нормы внутренней саморегуляции: то, что одни авторы называют совестью, долгом, взаимопониманием, другие – категорическим императивом, или законом нравственной свободы [3, с. 32; 4, с. 24]. Роль

нравственных (моральных) норм в определении границ личной свободы, на первый взгляд, не является столь очевидной, как влияние правовых предписаний, однако именно данные нормы позволяют «организовать» и направить потребности и интересы действующего субъекта не в ущерб иным «носителям» личной свободы, создать внутреннюю готовность лица принять установленные в обществе правовые ограничения и запреты, а также скоординировать его поведение в той области, которая находится за рамками правовой регламентации. При этом определяющее влияние нравственных установок проявляется на стадии формирования волевого решения относительно своего поведения, когда выбор последнего соотносится не только с системой правовых координат, но и оценивается через призму критериев добра и зла. Правда, говоря о правовых и нравственных границах личной свободы, необходимо учитывать определенную условность ограничительного характера таковых: применительно к личной свободе ограничением следует признавать то препятствие, которое затрудняет возможность ее реализации, действуя против либо помимо воли человека. Поскольку правовые и моральные нормы создаются людьми, они в известной мере отражают их общую (совместную) волю, и в этом смысле следование заложенным в них ограничениям не является ущемлением личной свободы человека.

В-третьих, личная свобода является средством удовлетворения двигательных потребностей лица (отсюда такие обозначения данного объекта, как свобода локомоции, физическая свобода, свобода передвижения), в связи с чем ее следует определять как поведенческую свободу, или свободу совершения действий либо воздержания от их совершения. При этом совершение или не совершение тех или иных действий (т.е. избираемый вариант поведения) может быть как связано, так и не связано с осуществлением иных, помимо права на свободу, субъективных прав человека.

В-четвертых, личная свобода является следствием реализации общепризнанного права человека на свободу. Причем данная реализация выражается не только в проявлении человеком определенной активности, но и заключается в непрерывном (постоянном) обладании личной свободой, т.е. в «фактическом состоянии субъекта на протяжении всей его жизни – от рождения до смерти» [5, с. 58]. Сказанное позволяет сделать вывод о врожденном характере личной свободы, что в полной мере подтверждается положениями международных актов в данной области (например, ст. 1 Всеобщей Декларации прав человека, 1948 г., абзац 2 п. 1 Венской декларации и программы действий, 1993 г.).

Отмеченное свойство исследуемого объекта имеет важное практическое приложение: круг лиц, обладающих личной свободой, не может быть поставлен в зависимость от наличия или отсутствия у человека каких-либо особых качеств. С этой точки зрения, мы не можем согласиться с позицией некоторых российских авторов, признающих субъектами личной

свободы лишь тех лиц, которые имеют реальную возможность реализовать свободу перемещения или обладают полной свободой воли [6, с. 36-37]. Следуя логике подобных заключений, мы будем вынуждены ограничить круг «носителей» личной свободы посредством исключения из него малолетних лиц, лиц, не способных осуществить перемещение в связи с физическими недостатками, психически беспомощных лиц и т.д., тем самым, отказывая им в защите того блага, которое гарантировано каждому человеку с момента его рождения. Между тем, как представляется, в отношении физически и (или) психически беспомощного человека необходимо исходить из общей презумпции личной свободы и ставить вопрос не в ракурсе наличия или отсутствия у такого лица данной свободы, а, с точки зрения, способности или неспособности последнего самостоятельно реализовывать те возможности, которые предопределяются исследуемым состоянием, равно как обеспечивать защиту данного состояния в случае его незаконного нарушения. В случае отсутствия такой способности личная свобода физически или психически беспомощного человека опосредуется поведением третьих лиц, в том числе, тех, которые, по словам российского автора А.Е. Амосова, несут ответственность за его благополучие [7, с. 68]. В контексте сказанного видится весьма актуальной концепция охраны не только действительной, но и потенциальной свободы, которая получила признание и широко распространена в зарубежной науке уголовного права [8, с. 123-124].

Рассмотренные нами характеристики личной свободы дают основание использовать данное понятие для обозначения состояния независимости человека, позволяющего ему на основе собственных интересов и потребностей и с учетом правовых и нравственных ограничений самостоятельно или при помощи третьих лиц, действующих в его интересах, принимать решения относительно формы и направленности своего поведения и реализовывать принятые таким образом решения в актах поведения.

Исходя из представленной характеристики личной свободы, а также учитывая характер воздействия, способного ограничить данное состояние, полагаем возможным выделить в содержании личной свободы такие *формы ее проявления*, как: физическая свобода (или свобода от физического принуждения, в том числе, свобода перемещения и оставления места нахождения) и свобода принятия решения относительно совершения или не совершения какого-либо действия (свобода от психического принуждения, препятствующего независимому выбору варианта своего поведения).

1. Гражданские права человека: современные проблемы теории и практики / П. В. Анисимов [и др.] ; под ред. Ф. М. Рудинского. – 2-е изд. – М. : ЗАО «РФ «Мир», 2006. – 475 с.

2. Малеин, Н. С. Охрана прав личности советским законодательством / Н. С. Малеин. – М. : Наука, 1985. – 165 с.
3. Коган, Л. А. Триединство свободы / Л. А. Коган // Вопросы философии. – 1997. – № 5. – С. 31-43.
4. Марахтанова, Е. А. Преступления против свободы личности: вопросы законодательной регламентации и квалификации: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. / Е. А. Марахтанова. – Самара, 2006. – 249 л.
5. Антипова, Г. В. Система личных прав человека: конституционно-правовой аспект: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Г. В. Антипова. – М., 2002. – 198 л.
6. Панкратов, В. В. Уголовно-правовая охрана личной свободы: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / В. В. Панкратов. – Екатеринбург, 1999. – 155 л.
7. Амосов, А. Е. Незаконное лишение свободы в уголовном праве России (виды и характеристика): дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А. Е. Амосов. – Владимир, 2008. – 199 л.
8. Prawnokarne aspekty wolności: materiały z konferencji. Arłamów, 16–18 maja 2005 r. / Pod redakcją Marka Mozgawy. – Wolters Kluwer. Polska, Zakamycze, 2006. – 346 s.

Взаимоотношение светской концепции прав человека и религиозных ценностей

Иванова Т.В., Белорусский национальный технический университет

The article deals with three elements of human rights and freedoms with special attention given to relation between human rights and freedoms and Christian religious values. The author compares secular and the religious concept of human rights and comes to the conclusion that human rights are a very complex phenomena characterized by a combination of moral, religious, cultural elements.

Права и свободы человека представляют собой сложное социальное образование. В их содержании можно выделить три основных элемента. Первый – это познание человеком объективно существующей действительности, как природной, так и социальной. Человек строит свою деятельность на основе разносторонних знаний о природе и обществе. И чем глубже и шире человек познает законы развития объективной действительности, тем свободнее он действует.

Второй, определяющий элемент содержания прав и свобод – это активная созидательная деятельность человека. Свобода – это процесс взаимодействия субъекта с природным и социальным миром, включающим в себя цели, способы, средства и результаты его деятельности. Личная и общественная значимость свободы проявляется в сознательном целеполагании, в установке человека на созидание и приумножение того мира, в котором он живет и действует, в саморазвитии индивида через опредмечивание его творческих сил. Где нет активной деятельности человека, направленной на его собственное развитие и обогащение объективной действительности, там нет места ни свободе, ни правам человека.

Третий составной элемент прав и свобод – сознательная ответственность человека за свои действия и поступки. По отношению к природе он может свободно действовать лишь в пределах познанной необходимости. За ее пределами человеческие действия сопряжены с опасными последствиями как для развития природы, так и для нормальной жизнедеятельности людей. В обществе действия индивида свободны в той мере, в какой это позволяют интересы живущих рядом с ним людей. Следовательно, любое свободное действие человека в реальном, а не иллюзорном мире необходимо предполагает наличие сознательной ответственности, всесторонне учитывающей как состояние природной среды, так и свободу, права и интересы окружающих его людей [1].

Важно отметить, что права и свободы человека в любом обществе не являются безграничными и абсолютными. Их не следует трактовать только как набор дозволений и неограниченной свободы в поведении человека. Напротив, каждое право и каждая свобода имеют четко регламентированные рамки, каждой из свобод соответствует обязанность, выраженная, например, в форме соблюдения общественного интереса, недопущения произвольных, а тем более насильственных действий по отношению к другим лицам, уважения исторических и культурных традиций, принятых в данном обществе. В связи с этим, при законодательном закреплении прав и свобод человека, с нашей точки зрения, необходимо учитывать моральные и религиозные нормы, господствующие в социуме, иначе провозглашение определенных прав и свобод может привести не к желаемому результату, а к конфликту.

Актуализация проблемы соотношения прав и свобод человека и христианских религиозных ценностей имела место в таких документах, как Декларация о правах и достоинстве человека X Всемирного русского народного собора, принятая 6 апреля 2006 г. в Москве [2], и программные выступления нынешнего Патриарха Московского, в 2006 г. митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла «Опыт рассмотрения проблем прав человека и их нравственных основ в европейских религиозных сообществах», прочитанный на семинаре «Эволюция моральных ценностей и прав человека в многокультурном

обществе» 30 октября 2006 г. в Страсбурге [3]. В Декларации провозглашается: «...различению добра и зла призвана содействовать религиозная традиция, имеющая своим Первоисточником Бога. Опасным видится и «изобретение» таких «прав», которые узаконивают поведение, осуждаемое традиционной моралью и всеми историческими религиями» [2]. Митрополит Кирилл в своем выступлении отметил, что «забота о духовных потребностях, причем на основе традиционной морали, должна вернуться в публичную сферу. Поддержка моральных норм должна стать общественным делом. И именно механизм прав человека может активно способствовать этому возвращению». При этом митрополит напомнил, что норма согласования прав человека и традиционной морали содержится во Всеобщей декларации прав человека 1948 года [3].

Несмотря на существующее многообразие концепций прав человека (естественно-правовой, позитивистской, теологической и др.) их можно разделить на светскую и религиозную концепции (христианскую, иудейскую, исламскую) с точки зрения учета религиозных ценностей и трактовки природы прав и свобод человека. Однако, это не означает полное отрицание религиозных ценностей светскими концепциями, различие имеется лишь в понимании происхождения и границ прав и свобод человека.

В рамках данной работы предметом исследования является лишь христианская религиозная концепция и учет христианских религиозных ценностей, господствующих в рамках европейской культуры, и белорусской культуры в частности.

Светская концепция базируется на естественном праве. Каждый человек обладает определенными правами и свободами в силу рождения, принадлежности к человеческому роду (или виду *homo sapiens*). Соответственно, источником этих прав является порождающая человека природа, или мир как природа. Природа наделяет человека разумом, и в аспекте своих отношений с себе подобными и с самой природой человек выступает как творец культуры - реальности, кардинально отличной от самой природы. На первый план выступает биологическая, а не духовная сущность человека, что позволяет провозглашать права и свободы, противоречащие духовной сущности человека. Правами человека в собственном смысле являются права индивидуальные.

Мировоззрение, лежащее в основе светской концепции прав человека, существенно отличается от мировоззрения религиозного. В религиозной картине мира природный космос не является самодостаточной реальностью - за ним стоит Бог Творец. И место человека в мире определяется тем, что он является одним из творений, но вместе с тем - творением особенным. *Imago Dei*, образ самого Творца - вот первое определение человека. Разум и свободная воля являются чертами этого образа, и человек обретает их в силу рождения. Однако подлинный источник этих качеств - Бог, а потому их ценность определяется тем, что

они позволяют человеку следовать призыву, с которым к нему обращается Бог. Поэтому взаимоотношения между людьми мыслятся не как отношения суверенных индивидов, вынужденных создавать неконфликтный социум посредством некоей конвенции, определяющей правила сосуществования; эти взаимоотношения мыслятся в идеале - как братство, как семья, являющаяся семьей именно потому, что она имеет общего небесного Отца. Такое патриархальное представление о человеческой общности плохо согласуется с прагматическим пониманием прав человека [4].

Светская концепция прав человека опирается на идеологию либерализма - идеологию свободного выбора, который делает личность, исходя из своих предпочтений. Религиозное сознание опирается на идеологию долженствования, определяемого религиозным призванием. Так, например, права человека гарантируют каждому возможность придерживаться любых убеждений, выбирать любое мировоззрение (в узком смысле индивидуального взгляда на мир), в том числе и конструировать новое. В религиозном же пространстве выбор убеждения, или веры, делается только один раз, и в дальнейшем работа разума происходит уже в рамках сделанного выбора.

Светская концепция прав человека исходит из представления о том, что права человека отражают ценности западноевропейской культуры, основанной на индивидуализме, рационализме и предполагающей секуляризацию. В таком виде они абсолютно неприемлемы для незападных европейских христианских культур, опирающихся на коммунитарные ценности, возвышающих духовную, а не биологическую сущность человека, приверженных иным представлениям о духовности и т.д. [5].

Следовательно, при закреплении прав и свобод человека в национальных нормативных правовых актах не следует копировать универсальную модель светской концепции, которая предполагает и чуждые христианской культуре, духовной сущности, биологической природе человека права (право на смерть, на аборт, на однополые браки, употребление наркотических веществ). Светская концепция, безусловно, не может быть заменена только религиозной в рамках современного европейского общества, но может учитывать идеи сторонников христианской религиозной концепции о необходимости согласования прав и свобод человека с господствующими христианскими религиозными ценностями, такими как коллективизм, ответственность за свои поступки и судьбу всего общества, традиционная патриархальная семья, ценность жизни ребенка и совершеннолетнего человека, духовное саморазвитие человека.

Таким образом, следует вести речь о том, что принципом прав и свобод человека является не единичная категория «универсальность», а единство «универсальности и различия».

Права человека - это сложное многоплановое явление, характеризующееся сочетанием элементов морали, религии, культуры, являющееся механизмом для разрешения социальных конфликтов. Культурное многообразие сообществ, ценностные ориентиры, различные пути развития предполагают различные правовые системы, способы решения возникающих конфликтов, представления в сфере обеспечения прав и свобод личности.

1. Белякович, Н. Н. Права человека: «прирожденная» данность или социокультурное образование? / Н. Н. Белякович // Право и демократия: Сб. науч. тр. Вып. 14. / Редкол.: В. Н. Бибило (отв. ред.) [и др.] – Минск : БГУ, 2003. – С. 79-88.
2. Декларация о правах и достоинстве человека X Всемирного русского народного собора от 6 апреля 2006 г. [Электронный ресурс] / Русская православная церковь. Официальный сайт Московского Патриарха. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text>. – Дата доступа: 10.11.2014.
3. Доклад митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла «Опыт рассмотрения проблем прав человека и их нравственных основ в европейских религиозных сообществах» на семинаре "Эволюция моральных ценностей и прав человека в многокультурном обществе" в г. Страсбурге от 30 октября 2006 г. [Электронный ресурс] / Интерфакс. Религия. – Режим доступа: <http://www.interfax-religion.ru>. – Дата доступа: 10.11.2014.
4. Кырлежев А. И. Взаимоотношение концепции прав человека и религиозных ценностей [Электронный ресурс] / А. И. Кырлежев // Научный богословский портал. – Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru/biblio/>. – Дата доступа: 10.11.2014.
5. Калінін, С. А. Суадносiны рэлігіі і права на сучасным этапе / С. А. Калінін // Материалы VI Кирилло-Мефодьевских чтений, посвященных дням славянской письменности и культуры, Минск, 25-26 мая 2000 г. / ЕГУ, Министерство культуры Респ. Беларусь. – Минск, 2001. – С. 129-135.

Международные стандарты прав и свобод человека: понятие, функции, значение
Зыбайло А.И., Белорусский государственный университет

The article examines the concept of "international standard of human rights and freedoms," that allows to reveal importance of such standards for the enforcement activities. It also deals with the forms of their existence and the bodies involved in their development.

Реализация норм международного права прав человека в рамках национальных правовых систем должна происходить с учетом международных стандартов прав человека. Они должны находить отражение не только в законодательстве государств, но и в правоприменительной деятельности, которая является заключительным этапом реализации этих стандартов. Поэтому представляется актуальным выявить понятие «международный стандарт прав и свобод человека», а также рассмотреть вопрос о формах их существования.

В науке международного права «международные стандарты прав и свобод человека» преимущественно рассматриваются как существующие либо в виде норм международного права, либо в виде правил рекомендательного характера. Так, Л. В. Павлова (Беларусь) под международными стандартами в области прав человека понимает совокупность основополагающих прав и свобод, закрепленных в международно-правовых документах, признанных международным сообществом в целом и в силу этого обязательных для реализации в правовой системе каждого государства [1, с. 216]. По мнению В. Г. Вагизова (Россия), «такие стандарты понимаются как общепризнанные нормы поведения государств, осуществляемые ими в законодательстве и на практике в отношении своих граждан и других лиц, находящихся под их юрисдикцией. Такие нормы содержатся в международных договорах универсального и регионального характера, а также актах международных межправительственных организаций, которые приобрели силу международного обычая (например, Всеобщая декларация прав человека)» [2, с. 35]. Арнольд М. Зак, исследуя международные стандарты в рамках законодательства о труде и занятости, говорит о том, что «к ним относится порядка 200 международных конвенций, а также Всеобщая декларация прав человека» [3]. Обращает на себя внимание то, что международные стандарты прав человека рассматриваются этими учеными либо как международно-правовые документы целиком, либо как отдельные нормы этих документов.

Определение понятия «международный стандарт прав человека» осложняется его отсутствием в международно-правовых документах. Сущность этого термина была сформулирована в пп. 1-3 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными 1955 г. Из них следует, что предназначение международных стандартов – «на основе общепризнанных достижений современной мысли и с учетом основных элементов наиболее удовлетворительных в настоящее время систем изложить то, что обычно считается правильным с принципиальной и практической точек зрения. ... Они отражают те минимальные условия, которые Организация Объединенных Наций считает приемлемыми».

Представляется, что рассматривать международные стандарты прав и свобод человека лишь в виде норм международного права некорректно исходя из следующих соображений. В теории международного права под «нормой международного права» принято понимать

формально определенное, юридически обязательное правило поведения государств и других субъектов международного права, устанавливающее права и обязанности, которое обеспечивается специальным юридическим механизмом [см. напр.: 4, с. 142]. Уже из вышеприведенного определения можно прийти к выводу, что содержание самих по себе норм международного права не может в полной мере охватывать заложенный в них смысл, в том числе установить пределы их реализации, поскольку такие нормы представляют собой исключительно обязательные правила поведения, устанавливающие права индивидов и обязанности государств.

Например, п. 1 ст. 11 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (далее – Пакт), в котором закреплено право каждого человека на достаточное питание, не устанавливает пределы, ограничивающие поведение государства-участника Пакта таким образом, чтобы оно не совершало действий (бездействия), которые привели бы к искажению заложенного в вышеприведенную международно-правовую норму смысла и, соответственно, к нарушению этой нормы. В то же время Комитет по экономическим, социальным и культурным правам в рамках своей компетенции готовит Замечания общего порядка, в которых зафиксированы пределы поведения государств-участников, чтобы не допустить нарушения вышеприведенной нормы Пакта. Так, в своих Замечаниях общего порядка № 12 (1999 г.), Комитет, толкуя нормативное содержание п. 1 ст. 11 Пакта, показал, что это позитивное право налагает на государство-участника обязанность трех уровней: уважать, защищать и осуществлять. Обязательство уважать требует воздерживаться от каких-либо действий, препятствующих доступу к достаточному питанию; обязательство защищать - предпринимать меры по обеспечению того, чтобы юридические и физические лица не лишали физических лиц такого доступа; обязательство осуществлять означает, что государство должно реально проводить мероприятия по расширению доступа людей к ресурсам и средствам обеспечения их существования, включая продовольственную безопасность. То есть, в данном случае Комитет определил границы поведения государства-участника Пакта в целях соблюдения им п. 1 ст. 11, а также указал, какие действия (бездействия) государства представляют собой нарушения Пакта.

Таким образом, помимо нормы международного права, закрепленной в Пакте, имеется результат толкования этой нормы, призванный способствовать реализации заложенного в эту норму смысла путем истолкования масштабов поведения государства, и, как представляется, являющийся «международным стандартом», в то время как сама норма международного права является в данном случае обязательным предписанием, не содержащим такого масштаба.

Международные стандарты прав человека могут быть универсальными и региональными. Региональные стандарты, имея особенности, вытекающие из традиций, уровня развития какой-либо группы стран, могут идти дальше универсальных, быть более широкими либо более конкретными. Они вырабатываются в рамках региональных международных организаций. В этом процессе активное участие принимают судебные учреждения по правам человека (Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ), Межамериканский суд по правам человека, Африканский суд по правам человека и народов). Так, ЕСПЧ формирует такие стандарты в своих правовых позициях при толковании норм международного права, содержащихся в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и протоколов к ней.

В правовых позициях судов установлены масштабы реализации толкуемых ими норм международного права прав человека. Несоответствие действий (бездействия) государства, которые обжалуются в данные судебные учреждения, правовым позициям последних предполагает несоответствие таких действий (бездействия) нормам международного права, которые толкуются этими судами. Поэтому данное несоответствие может повлечь за собой ответственность за игнорирование международного стандарта, которая будет аналогична той, что имеет место в случае нарушения самой толкуемой им нормы международного права. По своей правовой природе эта ответственность отличается от международно-правовой ответственности за нарушение нормы международного права тем, что она наступает не непосредственно, как в случае нарушения самой толкуемой нормы международного права, а через посредство избрания такого варианта поведения, которое приводит к нарушению такой нормы [5].

Таким образом, международные стандарты прав человека выполняют следующие функции: 1) устанавливают перечень основных прав и свобод, являющихся обязательными для всех государств-участников; 2) определяют содержание каждого права и каждой свободы, которые в дальнейшем на основе этого конкретизируются в других международных или внутригосударственных нормативных актах; 3) закрепляют круг обязательств государств по признанию, обеспечению и защите соответствующих прав и свобод человека; 4) называют условия и, в конечном счете, формируют механизм пользования правами и свободами [6, с. 12]. Поскольку эти функции выполняются при толковании норм международного права, то они являются производными от толковательной функции. Исходя из предназначения международных стандартов можно прийти к выводу, что сферой их реализации является национальная правовая система того или иного государства, включающая законодательную, исполнительную и судебную виды внутригосударственной властной деятельности.

Международный стандарт прав и свобод человека – это образец, которому должно соответствовать поведение государства при реализации нормы международного права прав человека и определяющий его масштаб. Он возникает в результате толкования нормы международного права прав человека, может содержаться как в решениях международных организаций, так и в судебных постановлениях международных судов этих организаций, применяется государствами в законотворческой, исполнительной и судебной внутригосударственной деятельности, является обязательным и влечет «опосредованную» ответственность за его игнорирование, аналогичную той, которая имеет место в случае нарушения толкуемой им нормы международного права.

1. Павлова, Л. В. Применение международных стандартов в области прав человека в процессе отправления правосудия / Л. В. Павлова // Рекомендации по более широкому применению международных стандартов в области прав человека в процессе отправления правосудия в Республике Беларусь: отчеты национальных и международных экспертов проекта международной технической помощи «Содействие более широкому применению международных стандартов в области прав человека в процессе отправления правосудия в Республике Беларусь». – Минск : Рейнплац, 2009. – С. 216 – 229.

2. Вагизов, Р. Г. Международно-правовые стандарты в сфере защиты прав человека: нормативно-правовая основа международной системы защиты прав человека / Р. Г. Вагизов // Российская юстиция. – 2008. – № 5. – С. 34-36.

3. Zack, Arnold M. International Legal Standards for Labor and Employment Law. Labor and Worklife Program at Harvard Law School [Electronic recourse] / Arnold M. Zack // Workplace Fairness Disputes in a Global Economy: Hong Kong and PCR Perspectives. – Hong Kong International Arbitration Center. – 2008. – 30 May // LWP The Labor and Worklife Program at Harvard Law School. – Mode of access: <http://www.law.harvard.edu/programs/lwp/LWPpublications.html>. – Date of access: 27.11.2014.

4. Лукашук, И. И. Международное право. Общая часть: учебник для студентов юридических факультетов и вузов / И. И. Лукашук. – М. : Волтерс Клувер, 2005. – 415 с.

5. Григорян, А. С. Понятие «международно-правовой стандарт в сфере защиты прав и свобод человека» [Электронный ресурс] / А. С. Григорян // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2012. – № 10. – Режим доступа: http://www.journal-nio.com/index.php?option=com_content&view=article&id=1321&Itemid=110. – Дата доступа: 30.11.2014.

6. Цепелев, В. Ф. К вопросу об уголовно-правовом обеспечении международных стандартов в области прав и свобод человека / В. Ф. Цепелев, Н. И. Амрахов // Международное публичное и частное право. – 2006. – № 4. – С. 11-13.

**Европейский суд по правам человека и Комитет по правам человека
как механизмы защиты свободы совести**

Лисовская Т.В., УО «Брестский государственный технический университет»

The article examines main issues of freedom of conscience protection at the European Court of Human Rights and UN Committee of Human rights. The author argues that there are no standard mechanisms of right to freedom of conscience protection at the national level. Therefore activities of international bodies in this sphere are of particular importance.

Сущностью демократического государства, опирающегося на уважение прав и свобод человека, является ограничение сферы власти государства, и, следует отметить, свобода совести и религии является одним из основных прав человека, требующих особого внимания при регулировании со стороны государства, так как затрагивает вопросы самореализации личности. При понимании религии как личностных убеждений человека встает вопрос, возможно ли вмешательство в осуществление свободы религиозной веры человека и, если возможно, каков объем полномочий государства в сфере регулирования вопросов реализации свободы совести, и где проходит граница полномочий государства и сферы свободной реализации личности.

Основные международные документы, регулирующие вопросы прав человека, а в нашем случае – свободу совести и вероисповедания, содержат четыре ключевые положения, касающиеся свободы совести и вероисповедания: закрепляется базовое право на свободу совести (Европейская Конвенция прав человека (ЕКПЧ) ст. 9, Международный пакт о гражданских и политических правах (МПГПП) ст. 18.1), декларируется отсутствие дискриминации по религиозному признаку (МПГПП ст. 2.1, 26, ЕКПЧ ст. 14), устанавливается право родителей самостоятельно определять религиозное воспитание и обучение своих детей (МПГПП ст. 18.4, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах ст. 12.3, Первый протокол к ЕКПЧ п.2), возможность ограничения свободы совести и религии (МПГПП ст. 18.3, ЕКПЧ ст. 9.2). ЕКПЧ и МПГПЧ также содержат и другие важные права, касающиеся свободы совести – свободу выражения,

частную жизнь, права ассоциаций, право на брак, которые коррелируются со свободой совести.

Международные документы, как мы видим, задекларировали свободу совести и религии как одно из основных прав человека и в то же время, предусмотрев возможность государства применять ограничения свободы совести и религии, установили достаточно четкие пределы вмешательства в части 3 статьи 9 Конвенции и в части 2 статьи 18 Международного пакта о гражданских и политических правах. Однако непосредственно объем ограничений в международных правовых документах не указан. Нахождение разумного компромисса между сферой свободной деятельности личности и религиозных сообществ и сферой запрета, нарушение которой уполномочивает государственные органы к разным формам принуждения, до сих пор является открытой дискуссией и ведет к возможности превышения полномочий государства в сфере ограничения и, соответственно, к нарушению свободы совести.

В таких условиях международные органы защиты: Европейский суд по правам человека и Комитет ООН по правам человека, – являются необходимыми и важными механизмами защиты свободы совести.

В деятельности Европейского суда по правам человека и Комитета по правам человека в сфере защиты свободы совести и вероисповедания можно выделить несколько основных направлений.

1. Теоретическое обоснование, раскрытие терминов и понятий и принципов, заложенных в международных документах.

Как мы говорили выше, «свобода совести» – это сложное понятие, в декларативной форме закрепленное в основных международных документах. Однако объем, структура и дуалистичность его содержания права не расшифрованы и не могли быть расшифрованы ни в Пакте, ни в Конвенции. В такой ситуации возникает потребность в дополнительных разъяснениях основных теоретических понятий в рамках свободы совести которая возлагается на международные органы защиты.

Объем понятия «свобода религии». В 1993 году Комитет по правам человека принял Замечание общего порядка 22 (48) к статье 18 Пакта. В этом Замечании общего порядка многие измерения права на свободу религии или убеждений получили дополнительное освещение. Особое значение имеет п.2, определяющий объем понятия «свобода религии». В Замечании Комитет подчеркивает, что статья 18 защищает «теистические, нетеистические и атеистические убеждения, а также право не исповедовать никакой религии или убеждений». В вопросе о «новых религиях» Комитет следует этому широкому толкованию, отмечая, что

статья 18 не ограничивается «традиционными религиями или религиями и убеждениями, которые по своим организационным формам или практике аналогичны традиционным религиям» [2].

Европейский суд по правам человека в своей практике поддерживает концепцию Комитета отнесения к свободе совести и нетеистических убеждений, подтверждая этот принцип в деле Эроусмит против Соединенного Королевства и в деле Александрис против Греции, отнеся вопросы, связанные с пацифизмом и атеизмом, к сфере действия ст. 9 Конвенции [1, с. 365].

В то же время, в деле М.А.Б., У.А.Т. и Дж.- А.И.Т. против Канады (Сообщение № 570/1993) Комитет объявил неприемлемым сообщение, направленное членами вновь созданной, якобы религиозной группы, заявляющей, что их учение и обряды в обязательном порядке связаны с поклонением и распространением «священного символа», которым является *cannabis* или марихуана. По мнению Комитета, эта практика даже предположительно не может относиться к сфере применения статьи 18 Пакта и данные убеждения не относятся к религиозным или нетеистическим верованиям и не защищаются ст. 18 Пакта [4].

«Forum internum». Ни ЕКПЧ, ни МПГПП не обозначили четкое понятие «свобода религии», да и вряд ли это возможно в такой тонкой сфере как религия. Однако необходимость определения содержания этого права при рассмотрении вопросов реализации свободы совести и религии привели к разработке термина, позволяющего обосновать и определить границу реализации права. При определении личной, индивидуальной религиозной свободы Европейский суд по правам человека употребляет термин «*forum internum*» (внутренние убеждения) [3, с. 15]. Таким образом, выделяя в содержании «свободы совести» сферу личной веры, Европейский суд четко выделил две стороны «свободы совести» – индивидуальную и коллективную. Как подчеркнуто в п. 5 решения Европейского суда по правам человека от 16 января 1996 г. в деле «СJ, JJ и EJ против Польши», статья 9 Европейской Конвенции предусматривает защиту от религиозной индоктринации со стороны государства, защищая сферу личной веры – «*forum internum*».

Допустимость обучения религии в школах. В отношении религиозного образования в рамках государственной школьной системы в Замечании общего порядка по статье 18 нашла свое отражение позиция Комитета, высказанная им ранее в соображениях по делу Хартикайнен и другие против Финляндии. В Замечании общего порядка Комитет высказывает точку зрения о том, «что положения пункта 4 статьи 18 допускают преподавание в государственных школах курса общей истории религий и этики, если такое преподавание ведется беспристрастно и объективно». Государственное образование, которое

включает обучение в области какой-либо конкретной религии или верования, «несовместимо с положениями пункта 4 статьи 18, если не предусмотрены не имеющие дискриминационного характера исключения и альтернативные варианты, учитывающие пожелания родителей или опекунов» (пункт 6) [2].

2. Установление границ свободы и критериев ограничения свободы совести Европейским судом

Предусмотренная в международных документах возможность ограничения свободы совести поддерживается Европейским судом и Комитетом по правам человека: «В демократическом обществе может быть необходимо устанавливать ограничения на свободу религии, чтобы примирить интересы религиозных групп. Однако любое такое ограничение должно соответствовать настоятельной необходимости для общества и должно быть соразмерно преследуемой законной цели» – ЕСПЧ, Сериф против Турции. Именно определение возможностей ограничения в сфере индивидуальной и коллективной свободы совести и определение границ вмешательства лежит на международных органах защиты.

Прежде всего, следует отметить, что, несмотря на достаточно четкую формулировку в международных документах права на свободу совести в индивидуальном аспекте, Европейский суд определил абсолютный характер данного права и невмешательства государства сферу, личных, индивидуальных убеждений человека – «forum internum». Очевидным выводом из этого понятия является то, что свобода мысли, совести и религии, не связанная с внешним проявлением веры, не может быть предметом ограничений со стороны государства. А всякое вмешательство государства в сферу личных религиозных или нерелигиозных убеждений (с целью заставить иметь определенные взгляды, веру, или менять убеждения, или раскрыть свои религиозные взгляды) будет прямо противоречить концепции свободы совести, и соответственно, международным нормам [1, с.168] и является нарушением права. Такой подход закрепляет отсутствие границ индивидуальной свободы совести и возможность ее ограничения с целью обеспечения предупреждения индоктринации личности со стороны государства и предоставляет возможность для развития, углубления и изменения индивидуального мировоззрения человека [5, с. 722].

В Замечании общего порядка 22 Комитета ПЧ к статье 18 МПГПП проводится различие между свободой мысли, совести, религии или убеждений и свободой исповедовать религию или убеждения. Эта статья не допускает установления каких-либо ограничений свободы мысли и совести или свободы иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору. Эти свободы защищены без каких-либо ограничений, подтверждая неприкосновенность внутренних убеждений человека.

В то же время, свобода совести в коллективной измерении обозначает возможность проявления и реализации религиозных убеждений человека не только на уровне личностной сферы, но и в социуме. Соответственно, в отличие от «*forum internum*», внешнее проявление религиозных убеждений, чаще связанных с принадлежностью человека к религиозной организации или с публичными религиозными действиями, должно иметь четко обозначенные границы, в связи с очевидной необходимостью учитывать противостоящие интересы [6, с. 325].

Комитет по правам человека подчеркивает, что эти положения должны толковаться строго: не признаются никакие основания для установления ограничений, кроме тех, который конкретно предусмотрены, даже если эти ограничения устанавливаются для других прав, защищаемых Пактом, в частности, по соображениям государственной безопасности. Ограничения могут устанавливаться только для тех целей, для которых они были предназначены, и должны быть прямо связаны с конкретной целью, достижение которой ими преследуется, и быть соразмерны [2]. Комитет добавляет, что ограничения на право исповедовать свою религию должны применяться таким образом, чтобы не наносить ущерба правам, гарантированным в ст. 18.

Комитетом по правам человека, как и Европейским судом установлены следующие критерии для возможных ограничений:

- Соответствие принципу законности («установлены законом»);
- Должны налагаться исключительно для достижения целей, перечисленных в ст. 18.3. МПГПП и ст. 9 Конвенции;
- Должны быть необходимы для достижения соответствующей цели (принцип соразмерности);
- Не должны являться дискриминационными [5].

По вопросу о законных ограничениях на свободу исповедовать религию или убеждения в своем Замечании общего порядка Комитет отмечает, что положения пункта 3 статьи 18 «должны толковаться строго»: ограничения допускаются только на тех основаниях, которые перечислены в упомянутом пункте, но не для защиты, например, «национальной безопасности», которая упоминается в некоторых других ограничительных положениях Пакта, за исключением статьи 18.

Комитет по правам человека также придерживается узкой точки зрения на толкование понятия «нравственности» как законной цели для ограничения свободы исповедовать религию или убеждения: понятие нравственности складывается на основе многих общественных, философских и религиозных традиций, и, следовательно, установление ограничений на свободу исповедовать религию или убеждения в целях защиты

нравственности «не должно основываться на принципах, вытекающих исключительно из одной единственной традиции» (пункт 8).

Выделенные критерии, применяемые Европейским судом по правам человека в Страсбурге и Комитетом по правам человека ООН являются тестом, на основании которого международные органы защиты определяют, правильно ли государство определило границы реализации религиозной свободы и имеет ли место превышение полномочий государства по ограничению свободы совести и религии. Данные критерии дают нам представление не только о целях ограничения свободы, но и принципах действия ограничительных мер, используемых государством.

Таким образом, определяя возможность ограничения свободы совести, Европейский суд по правам человека и Комиссия ПЧ выделяют дополнительные требования к государственным органам при применении действий ограничительного характера. В своей практике Европейский суд и Комитет, определяя принципы и критерии ограничительных действий, рассматривают каждый случай ограничения свободы совести индивидуально, что делает систему защиты более эффективной.

3. Создание прецедентных источников права

В ситуации вариативности реализации религиозной свободы и отсутствия четко обозначенного в международном законодательстве объема ограничений, большую роль в определении непосредственно границы свободы совести и полномочий государства по ограничению свободы совести и религии имеют решения Европейского суда по правам человека, составляющие прецедентное право, особо значимое в данном вопросе.

Как заявил председатель Европейского суда по правам человека, для ориентирования национальных судов и руководителей в отношении защиты прав человека применяется «умеренная доктрина прецедентов». Такой подход необходим в интересах юридической определенности и равенства перед законом. Тем не менее, она носит «умеренный характер» в силу необходимости обеспечения того, чтобы Конвенция и далее отражала изменения в устремлениях и ценностях общества. Рассмотрение прецедентной практики позволяет также оценить и те основополагающие ценности, которые лежат в основе самой этой практики. Эти принципиальные позиции часто отражаются в постановлениях Европейского суда, который пользуется данной возможностью для разработки тех принципов, которым призваны следовать национальные суды и политические руководители [5, с. 714]. Таким образом, в прецедентной практике имеется важный аспект, поскольку в этой практике может и не содержаться готового прецедента для использования в национальном судопроизводстве, но

при этом сама теоретическая основа и те принципы, которыми Суд руководствуется в своих постановлениях, должны направлять и вдохновлять государства-участников Конвенции.

Анализируя судебную практику Европейского суда и деятельность Комитета ПЧ, можно выявить основные спорные моменты, урегулированные Комиссией ПЧ и ЕСПЧ и ставшие прецедентами по вопросу реализации свободы совести:

Религиозное образование: В отношении религиозного образования в рамках государственной школьной системы в Замечании общего порядка по статье 18 нашла свое отражение позиция Комитета, высказанная им ранее в соображениях по делу Хартикайнен и другие против Финляндии, которое приводится ниже. В Замечании общего порядка Комитет высказывает точку зрения о том, "что положения пункта 4 статьи 18 допускают преподавание в государственных школах курса общей истории религий и этики, если такое преподавание ведется беспристрастно и объективно". Государственное образование, которое включает обучение в области какой-либо конкретной религии или верования, "несовместимо с положениями пункта 4 статьи 18, если не предусмотрены не имеющие дискриминационного характера исключения и альтернативные варианты, учитывающие пожелания родителей или опекунов" (пункт 6).

Военная служба: Ссылаясь на жалобы по статье 18, поступающие от отдельных лиц, и на постепенное признание государствами-участниками обоснованности таких жалоб, в своем Замечании общего порядка Комитет подтвердил, что отказ от прохождения военной службы по соображениям совести подпадает под положения статьи 18 о защите этого права: «В Пакте конкретно не говорится о праве на отказ от военной службы по соображениям совести, однако Комитет считает, что такое право вытекает из статьи 28, поскольку обязанности в отношении применения оружия могут находиться в серьёзном противоречии со свободой совести и правом исповедовать религию или убеждения» (пункт 11).

Применимость статьи 18 в отношении отказа от прохождения военной службы по соображениям совести нашла свое подтверждение в делах Бринкхоф против Нидерландов (Сообщение № 402/1990) и Уэстерман против Нидерландов (Сообщение № 682/1996). В последнем деле Комитет четко определил, что из положений статьи 18 можно сделать вывод о праве на отказ от прохождения военной службы по соображениям совести. Однако он не установил нарушения в этом конкретном деле, так как в законодательстве данного государства-участника признается право на отказ от прохождения военной службы по соображениям совести, хотя, одновременно с этим, устанавливаются и определенные ограничения этого права: «Комитет отмечает, что власти государства-участника оценили факты и доводы, выдвинутые автором в поддержку своего требования об освобождении от службы как лица, отказывающегося от военной службы по соображениям совести, в свете

действующих в государстве правовых положений в отношении отказа от военной службы по соображениям совести и что эти правовые положения совместимы с положениями статьи 18».

Финансирование религий: Несколько дел, связанных с правом на свободу совести или убеждений, рассматривались с привлечением антидискриминационного положения из статьи 26, в котором религия перечисляется как одно из запрещенных оснований для дискриминации. В деле Вальдман против Канады, тесно связанным с делом Хартикайнен против Финляндии, Комитет утверждает, что хотя и не существует общего обязательства обеспечивать государственное финансирование религиозного образования, но если государство принимает решение о таком финансировании в отношении одной религии, оно не должно допускать дискриминацию в отношении приверженцев других религии.

4. Индивидуальная защита в вопросах свободы совести

Среди основных вопросов, рассматриваемых Европейским судом по ст. 9 Европейской Конвенции, и Комитетом по правам человека по ст. 18 Пакта выделяются как дела о защите индивидуальной свободы совести, так и коллективной. В отношении индивидуального аспекта свободы совести, международные органы защиты рассматривали дела, касающиеся следующих аспектов религиозной свободы:

- Религиозные убеждения и трудовые обязательства (Сингх Бхинтер против Канады – КПЧ);
- Религиозные убеждения и служба в армии (Уэстрман против Нидерландов, Р.Май против Франции Бринкхоф против Нидерландов, Баятан против Армении – КПЧ);
- Исповедание веры, свободы выражения убеждений (Бускарини против Сан-Марино, Бруно против Швеции, СЈ, ЈЈ против Польши, Полторацкий против Украины, Хэндисайд против Соединенного Королевства – ЕСПЧ);
- Религиозные убеждения и обязательное религиозное обучение (Кьельдсен против Дании, Каситиро против Люксембурга, Хартикайнен против Финляндии – ЕСПЧ, *Folgerø and другие против Норвегии – ЕКПЧ*).

В последние десятилетия увеличивается число жалоб по возможному нарушению свободы совести в коллективном аспекте, касающихся:

- Прозелитизма (Коккинакис против Греции, Ларисис против Греции – ЕСПЧ) [8];
- Публичного провозглашения религиозных убеждений и ношения религиозных символов (Дахаб против Турции, Лейла Аахин против Турции – ЕСПЧ);
- Свободы собраний, осуществления религиозных практик (Баранкевич против России, Маннусакис против Греции – ЕСПЧ);

- Регистрации религиозных организаций, строительства культовых зданий (Митрополия Бессарабии против Молдовы, Канейская католическая церковь против Греции – ЕСПЧ);

- Вмешательства во внутренние дела религиозных организаций (Сериф против Греции, Агга против Греции – ЕСПЧ).

Таким образом, основными направлениями защиты свободы совести в деятельности международных органов защиты (ЕСПЧ и Комитета ПЧ) являются:

- Защита от принуждения (раскрывать свои религиозные убеждения, защита от навязывания определенной религии и мировоззрения, защита от «ненадлежащего прозелитизма») (Бускарини против Сан-Марино, Бруно против Швеции, Александрис против Греции, СЈ, ЈЈ против Польши);

- Защита исповедания веры (Бускарини против Сан-Марино);

- Признание и защита религиозных практик (религиозные практики в трудовой деятельности, в армии) (Хоффман против Австрии, Палау-Мартинес против Франции).

- Определение позитивных обязательства государства. Именно в прецедентной практике Европейского суда четко сформулирована идея обязательств государства осуществлять определенные действия с целью защиты прав. основополагающий принцип, продвигающий прецедентную практику в отношении позитивных обязательств, состоит в обязанности со стороны государственных органов обеспечивать, чтобы религиозная свобода существовала в духе плюрализма и взаимной толерантности. Например, госорганам может понадобиться осуществлять «нейтральное посредничество» для оказания помощи отдельным группам в урегулировании внутренних споров в рамках религиозных общин (Шааре Шалом Ве Цедек (Cha'are Shalom Ve Tsedek) против Франции, Баранкевич против России). Можно ожидать также, что внутренние процедуры будут позволять сторонникам определенной религии практиковать свою веру в соответствии с требованиями к продуктам питания, хотя это обязательство может быть ограничено обеспечением того, чтобы имелся разумный доступ к продуктам питания, а не доступ к помещениям для ритуального приготовления мяса (Шааре Шалом Ве Цедек (Cha'are Shalom Ve Tsedek) против Франции). При этом, в целом, не считается необходимым предпринимать меры для того, чтобы служащий мог договариваться о том, чтобы иметь возможность участвовать в соблюдении религиозных обрядов (Заявления №№ 33490/96 и 34055/96, Дубовска и Скуп (Dubowska and Skup) против Польши), даже если обязательства, налагаемые на работодателя (когда такая обязанность признается), вряд ли в большинстве случаев будут приводить к значительным затратам.

Как мы видим, принцип уважения к мысли, совести и религии рассматривается как условие существования демократического общества, однако формы обеспечения этого в государствах могут значительно различаться. Не существует стандартной «схемы». В странах по-прежнему существует богатое разнообразие конституционных и юридических процедур и оно отражает богатейшую мозаику мировой истории, национальной идентичности и индивидуальной веры. В некоторых государствах конституционным принципом является секуляризм; в других признанным статусом могут пользоваться определенные религии, как официально установленная церковь. Эти отношения между религией и государством, как правило, отражают местные традиции и практические соображения.

В эти условия деятельность международных органов защиты – Европейского суда по правам человека и Комитета по правам человека, - приобретает особую значимость, содействуя утверждению и расширяя с теоретической точки зрения содержание основополагающих принципов прав человека. Кроме того, закрепленные на основе решений Комиссии ПЧ положения Замечаний общего характера, а так же решения ЕСПЧ по основным прецедентным делам по сути формируют основные принципы современной системы государственно-конфессиональных отношений.

Конечно же следует помнить, что международные органы защиты могут быть не в столь выгодном положении, как национальные власти, для проведения такой оценки и потому во многих постановлениях отмечается сравнительно широкая «свобода усмотрения» для стороны тех, кто принимает соответствующие решения в странах. Однако тщательное рассмотрение аргументов, которые обосновывают вмешательство в данное право, имеющее важнейшее значение как для отдельных лиц, так и общества в целом, на уровне национальной защиты прав человека, при существовании международных органов защиты поможет защитить плюрализм и многообразие, необходимые для реализации прав и свобод личности. В таких условиях Европейский суд по правам человека и Комитет ООН по правам человека играют важную роль, устанавливая наиболее общие стандарты реализации свободы совести и критерии возможного ограничения прав человека и являясь действенным механизмом индивидуальной защиты свободы совести.

1. Манукян, В. И. Европейский суд по правам человека: право, прецеденты, комментарии : научно-практ. пособие / В. И. Манукян. – Киев : Истина, 2006. – 368 с.
2. Международные документы по правам человека. Подборка замечаний общего порядка ООН. [Электронный ресурс] // Управление Верховного комиссара по правам человека.

- Режим доступа: http://www2.ohchr.org/english/bodies/icm-mc/docs/8th/HRI.GEN.1.Rev9_ru.pdf. – Дата доступа: 1.10.2014.– С. 262–265.
3. Мердок, М. Свобода мысли, совести и религии / М. Мердок // Пособие по применению статьи 9 Европейской Конвенции о защите прав человека. – Серия «Пособие по правам человека». – №9. – 65 с.
  4. Права человека : международно-правовые документы и практика их применения : в 4 т. / сост. Е. В. Кузнецова. – Минск : Амалфея, 2009.
  5. Evans, C. Church-State Relations in the European Court of Human Rights / Carolyn Evans, Christopher A. Thomas // Brigham Young University Law Review. – 2006. – Vol. 2006. – Issue 3. – P. 699–725.
  6. Evans, C. Individual and group religious freedom in the European court of human rights: cracks in the intellectual architecture / C. Evans // Journal of Law and Religion. – 2010/2011. – Vol. 26. – Issue 1. – P. 321–343.
  7. Hallinan, D. Orthodox Pluralism: Contours of Freedom of Religion in the Russian Federation and Strasbourg Jurisprudence / D. Hallinan // Review of Central and East European Law. – 2012. – № 37. – P. 293–346.
  8. Tsitselikis, K. Minority Mobilisation in Greece and Litigation in Strasbourg / K. Tsitselikis // International Journal on Minority and Group Rights. – 2008. – № 15. – P. 27–48

Право на самоопределение народа Республики Беларусь

Шавцова А.В., Белорусский государственный университет

On the basis of analysis of results of the referendum held in 1991 and 1995 and normative acts the author examines legal mechanisms of the right to determination of people of the Republic of Belarus.

Реализация права народа Республики Беларусь на самоопределение осуществляется в соответствии с национальным законодательством, основанным на общепризнанных международных документах и характеризуется различными формами.

Принцип самоопределения закреплён в многочисленных международно-правовых документах. Декларация о принципах международного права, принятая XXV юбилейной сессией Генеральной Ассамблеи 24 октября 1970 г. раскрывает содержание права на самоопределение народов. Политический смысл и значение самоопределения первую очередь состоит в том, что народам предоставляется право создать самостоятельное

государство, то есть полное отделение от государства или государственного образования, с которым самоопределившийся народ ранее был связан. Обретение такого политического статуса означает, прежде всего, что молодое государство в своем развитии основывается на собственном экономическом, политическом, культурном и ином потенциале. Однако это важная, но не единственная форма реализации права на самоопределение [1, С.589].

В международно-правовой практике и, в частности, в таком многостороннем документе, как Заключительный акт общеевропейского Совещания, вместо общепринятого термина "право на самоопределение" стала применяться несколько иная формула: "право народов распоряжаться своей судьбой", охватывающая более широкий круг форм и способов реализации права самоопределения, в том числе:

- свободно распоряжаться своей судьбой, то есть в условиях полной свободы определять и устанавливать свой внутренний и внешний политический статус;

- свободно избирать форму своей государственной организации (с определением политико-территориального статуса в виде автономной области, округа, республики, субъекта федерации и т.п.), в том числе устанавливать государственные границы;

- осуществлять по своему усмотрению свое политическое, экономическое, социальное и культурное развитие;

- свободно распоряжаться своими природными ресурсами и естественными богатствами.

Наиболее демократичной формой реализации права на самоопределение является референдум, на котором легитимным способом народом принимается решение по наиболее важным вопросам. В Республике Беларусь проводилось четыре референдума: в 1991 г., 1995 г., 1996 г. и 2004 г., на которые выносились на обсуждение актуальные вопросы по различным аспектам, охватывающим широкий спектр содержания права народа на самоопределение и права распоряжаться своей судьбой.

В конце 1980-х – начале 1990-х годов в СССР и союзных республиках обострился процесс взаимодействия союзного руководства и регионов, свидетельствовавший о стремлении сузить власть центра и обрести более широкие полномочия, строить в республиках национальные государства, которым присуща политическая и экономическая самостоятельность и независимость.

Для того чтобы определиться в форме государственного устройства, в том числе необходимости сохранения Союза ССР, 16 января 1991 года Верховный Совет СССР принял Постановление «Об организации и мерах по обеспечению проведения референдума СССР по вопросу о сохранении Союза Советских Социалистических Республик» [2]. В свою очередь 21 января 1991 года было принято постановление «Об организации подготовки и проведения

в Белорусской ССР референдума СССР по вопросу о сохранении Союза Советских Социалистических Республик» [3]. В соответствии со статьей 29 Закона СССР «О всенародном голосовании (референдуме СССР)» в Постановлении была также определена юридическая сила решения, принятого на референдуме СССР - как окончательная, обладающая обязательной силой на всей территории СССР, а также указано, что решение, принятое на референдуме может быть отменено только путем проведения нового референдума СССР. Согласно Постановления было решено включить в бюллетень для тайного голосования следующую формулировку вопроса, выносимого на референдум, и варианты ответов голосующих: «Считаете ли Вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновлённой федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности»: «Да» или «Нет», а также - определить результаты голосования по Союзу ССР в целом с учетом итогов голосования по каждой республике в отдельности.

17 марта 1991 года всенародное голосование состоялось. Все с нетерпением ждали его результатов. Верховный Совет СССР 21 марта принял Постановление «Об итогах референдума СССР 17 марта 1991 года». Следует отметить высокую активность и гражданскую ответственность участников всенародного голосования. В Постановлении было зафиксировано, что в референдуме в целом в СССР приняли участие 147 млн. человек. За сохранение Союза Советских Социалистических Республик высказались 112 млн. человек, то есть 76 % голосовавших. Таким образом, абсолютное большинство граждан исходило из того, что судьба народов страны неразделима, что только совместными усилиями они могут успешно решать вопросы экономического, социального и культурного развития.

В свою очередь 3 апреля 1991 года Президиум Верховного Совета БССР принял Постановление «О результатах голосования на референдуме СССР 17 марта 1991 года в Белорусской ССР по вопросу о сохранении Союза Советских Социалистических Республик». В референдуме приняли участие 6 126 983 человека, или 83,3%, граждан, имеющих право участвовать в голосовании. Народ Белоруссии активно продемонстрировал свою гражданскую позицию, стремление к единению с народами других республик в составе обновленной модели единого государства. Принимая участие в общесоюзном референдуме, народ нашей республики реализовал свое важнейшее право - право на самоопределение, проголосовав за сохранение собственной государственности. Воля народа выражалась в создании самостоятельного государства в составе обновленного Союза ССР. За сохранение обновленного Союза ССР высказалось 82,7 % граждан, принявших участие в голосовании; число граждан, проголосовавших на референдуме против составило 16,1%; недействительными было признано 1,2 % бюллетеней.

Однако не смотря на более чем очевидные результаты голосования и вопреки официально провозглашенной обязательной юридической силе решения, принятого на референдуме, исторически события развивались в совершенно противоположном политическом и правовом значении – Союз Советских Социалистических республик вскоре прекратил свое существование, бывшие союзные республики утратили статус субъектов федерации и обрели политическую независимость и провозгласили в принятых позднее Декларациях свой государственный суверенитет. Декларация о государственном суверенитете Республики Беларусь была принята Верховным Советом 27 июля 1990 г.

Это был политически значимый этап для Беларуси в преддверии обретения республикой государственного суверенитета, и повлекший утрату статуса БССР как союзной республики в составе СССР, исторически изменивший судьбу белорусского народа и государственности.

14 мая 1995 состоялся республиканский референдум по важнейшим вопросам государственной и общественной жизни, решение по которым в соответствии со статьями 1, 14, 39 Закона Республики Беларусь «О народном голосовании (референдуме) в Республике Беларусь» имело обязательную силу на всей территории Республики Беларусь. Этот референдум является, пожалуй, наиболее ярким примером принятия народом Беларуси решений с одной стороны по самым значимым содержательным аспектам права распоряжаться своей судьбой, самостоятельно определять свою позицию, выражать свою суверенную волю. С другой стороны – круг вопросов, вынесенных на данный референдум, охватывает широкий диапазон аспектов содержания права на самоопределение, предусмотренного международными нормами.

Учитывая сложную и неоднозначную политическую ситуацию в государстве и обществе важно отметить высокий уровень активности населения в голосовании на республиканском референдуме: приняли участие 4 830 582 человека, или 64,8 % , при этом в списки граждан, имеющих право участвовать в республиканском референдуме было включено 7 445 820 человек. Итоги голосования были официально опубликованы [4]:

- о придании русскому и белорусскому языкам равного статуса: «за» проголосовали 4 017 273 человека или 83,3% , «против» - 613 516 человек, или 12,7%, 192 693 бюллетеня признаны недействительными;

- об установлении новых государственных символов - Государственного флага и Государственного герба Республики Беларусь: «за» проголосовали 3 622 851 человек, или 75,1%, «против» проголосовали 988 839 человек, или 9,39%, 211 792 бюллетеня признаны недействительными;

- об экономической интеграции с Российской Федерацией: «за» проголосовали 4 020

001 человек или 83,3%, «против» проголосовали 602 144 человека или 12,5%, 201 337 бюллетеней признаны недействительными.

Результаты голосования продемонстрировали высокий уровень консолидации и общность интересов народа Беларуси при принятии решения (при этом около 80 % решений – «за» по вопросам референдума), их толерантность в национальной и языковой политике, стремление к возрождению национальной государственности и традиций при решении вопроса о государственной символике, стремление к интеграции с Российской Федерацией при решении вопроса о форме и направлениях межгосударственного сотрудничества при реализации права на самоопределение.

В дальнейшем народ Беларуси принимал решения не только на общегосударственных референдумах, но иными формами и способами, выражая свою суверенную волю по различным аспектам права на самоопределение межгосударственного, экономического, культурологического характера, по вопросам формы правления, организации государственной власти, правам человека и иным.

1. Белорусская юридическая энциклопедия : в 4 т. / редкол.: С. А. Балашенко [и др.]. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. – Т. 3 : П-С. – 623 с.
2. Постановление Верховного Совета СССР «Об организации и мерах по обеспечению проведения референдума СССР по вопросу о сохранении Союза Советских Социалистических Республик» от 16 января 1991 года // Известия. – 8 марта 1991 г. – Минск. – С.1–2.
3. Постановление Верховного Совета БССР «Об организации подготовки и проведения в Белорусской ССР референдума СССР по вопросу о сохранении Союза Советских Социалистических Республик» от 21 января 1991 года // Ведомости Верховного Совета Белорусской ССР. – Минск, 1991 – №6 (8). – Ст. 59.
4. Ведомости Верховного Совета Белорусской ССР. – Минск, 1991. – №22–23. – Ст. 332.

**Самозащита как одна из несудебных форм защиты прав человека
в Республике Беларусь**
Вегера И.В., Полоцкий государственный университет

The article deals with procedural mechanisms of human rights protection at national level. Its author examines non-judicial mechanisms with special attention to self-defense of rights, freedoms and legitimate interests.

Конституционно-правовое закрепление прав и свобод человека является важным, но не единственным условием с точки зрения конечной цели – осуществления данных прав. Не всегда известные формы реализации права (соблюдение, исполнение, использование) являются достаточными для претворения в жизнь норм о правах человека. В таких случаях очевидной становится необходимость в осуществлении правозащитной деятельности. Именно поэтому наряду с правовой регламентацией прав и свобод человека важная роль как на международном, так и на национальном уровнях отводится охране и защите прав, ее процессуальным формам. Всеобщая декларация прав человека, международные пакты в качестве основной задачи и обязанности государств определяют обеспечение прав человека, которое предполагает наряду с провозглашением, нормативным закреплением и гарантиями реализации прав действие механизма правовой защиты человека (включая охрану и защиту прав).

Термин «защита прав человека», несмотря на свое широкое использование в законодательстве и юридической литературе, не обеспечено единым научным толкованием. Зачастую его исследование сопровождается сопоставлением двух категорий: «защита права человека» и «охрана прав человека». Не вдаваясь в подробности научных дискуссий, отметим лишь основные направления в их понимании:

1) отождествление данных категорий (Н.В. Витрук, В.Н. Кивель, И.В. Ростовщиков), вытекающее из традиционного подхода рассмотрения защиты в качестве направления правоохранительной деятельности;

2) различные модификации разграничения категорий «защита прав человека» и «охрана прав человека» (А.В. Стремоухов, Н.И. Матузов, Л.О. Красавчикова, В.Д. Ардашкин, В.А. Тарасова, В.М. Ведяхин, Т.Б. Шубина и многие другие). Многие авторы подчеркивают самостоятельность правозащитной функции государства, наличие у нее специфических свойств. При этом охрана прав связывается с функцией предупреждения, профилактики правонарушений, устранения препятствий, мешающих их осуществлению, а защита связана с нарушением права и направлена на его пресечение, устранение,

восстановление нарушенного права. Охраняются права и свободы перманентно, а защищаются только тогда, когда нарушаются или оспариваются [1, с. 131; 2].

В рамках различных классификаций форм защиты прав человека одним из наиболее распространенных является деление их на судебные и несудебные формы.

В свою очередь несудебные формы защиты прав человека могут быть как государственными, так и негосударственными. К первым из них следует отнести, к примеру, деятельность прокуратуры по защите прав и свобод человека, Уполномоченного по правам человека, государственных органов и должностных лиц по рассмотрению обращений граждан. Ко вторым – самозащиту, деятельность общественных объединений, третейское разбирательство.

Одной из недостаточно исследованных несудебных форм защиты прав человека является *самозащита* нарушенного права. В научной литературе самозащита человеком своего права отмечается как самостоятельная форма защиты и определяется как незапрещенные законом действия фактического порядка и юридические средства, применяемые человеком для принудительного пресечения посягательств на свои права или их восстановления в случае нарушения последних без обращения к компетентным органам самого человека [3, с. 281].

В рамках более широкого подхода самозащита определяется как право каждого защищать свои права, свободы и законные интересы всеми способами, не противоречащими закону. К таким способам относят: обращения граждан в государственные органы; административное и судебное обжалование действий должностных лиц; обращение в средства массовой информации; использование возможностей правозащитных организаций и общественных объединений для защиты нарушенных прав и свобод; обращение с конституционной жалобой в конституционный суд; использование международно-правовых средств защиты нарушенных прав; обращение к Уполномоченному по правам человека; проведение забастовки и др. Однако такой подход размывает четкие границы, необходимые для выделения самозащиты в самостоятельную форму, по существу объединяя данной категорией иные формы защиты.

Конституция Беларуси о праве на самозащиту не упоминает, устанавливая лишь базисное право на равную защиту прав и законных интересов. Отраслевое законодательство не дает легального определения данной формы защиты, но включает уголовные, административные и гражданско-правовые нормы, предоставляющие возможность использования данной формы: о необходимой обороне, о крайней необходимости, о самозащите гражданских прав. Так, ст. 13 Гражданского кодекса допускает защиту гражданских прав непосредственными действиями лица, права которого нарушаются, если

такие действия не сопряжены с нарушением законодательства. Между тем, четко не определено, что следует относить к таким непосредственным действиям.

Обратившись для сравнения к российскому законодательству, можно отметить, что в Российской Федерации юридическую основу самозащиты в первую очередь составляет Конституция (ст. 45: Каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом). Кроме того, расширен перечень форм и средств самозащиты. В частности, Трудовой кодекс Российской Федерации содержит специальную главу 59 – «Самозащита работниками трудовых прав». Согласно ст. 379 работник в целях самозащиты трудовых прав может отказаться от выполнения работы, не предусмотренной трудовым договором, а также от работы, которая непосредственно угрожает его жизни и здоровью. При этом на все время отказа от работы за работником сохраняются все трудовые права. А работодателям и их представителям запрещается препятствовать работникам в осуществлении самозащиты трудовых прав.

Трудовой кодекс Республики Беларусь отдельно не выделяет самозащиту трудовых прав как отдельную форму. Говорится лишь о праве работника на судебную и иную защиту трудовых прав (ст. 11). Правда, по существу в Трудовом кодексе Республики Беларусь используется аналогичный российскому подход: закреплена возможность отказа от выполнения порученной работы в случае возникновения непосредственной опасности для жизни и здоровья его и окружающих до устранения этой опасности, а также при непредоставлении ему средств индивидуальной защиты, непосредственно обеспечивающих безопасность труда; нанимателю запрещено требовать от работника выполнения работы, не обусловленной трудовым договором. Однако корреспондирующее данному запрету право работника отказаться от выполнения такой работы напрямую не предусмотрено в трудовом законодательстве, как и гарантии сохранения всех прав, предусмотренных трудовым законодательством, при реализации данного права.

К самозащите относится и возможность привлечения специальных средств для предотвращения непосредственной угрозы противоправного посягательства на жизнь, здоровье и имущество граждан. В частности, Закон Республики Беларусь «Об оружии» разрешает гражданам иметь в собственности гражданское оружие, в том числе и оружие самообороны (понятие которого законодательно не определено), к которому относится газовое оружие и электрошоковые устройства.

К сожалению, не все аспекты института самозащиты в полной мере и комплексно исследованы в отечественной юридической науке и урегулированы в законодательстве, что требует особого внимания к развитию научно-теоретических и правовых основ данной формы защиты прав человека.

1. Матузов, Н. И. Правовая система и личность / Н. И. Матузов. – Саратов : 1987. – 294 с.
2. Ведяхин, В. М. Защита права как правовая категория / В. М. Ведяхин, Т. Б. Шубина // Изв. вузов. Правоведение. – СПб. : СПбГУ, 1998. – № 1. – С. 67-79.
3. Гасанов, К. К. Конституционный механизм защиты основных прав человека / К. К. Гасанов. – М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2004. – 431 с.

**Деятельность органов прокуратуры Республики Беларусь
по защите прав и свобод человека и гражданина**

Гавриленко А.В., Белорусский государственный экономический университет

The article is devoted to the protection of the human rights and freedoms by public prosecutors office in Republic of Belarus. In the article by using the historical method author shows the formation and development of human rights activities of the public prosecutors office in Belarus. Based on the analysis of the legislation of Belarus and CIS statistics, the author offers suggestions for improvement of the national legislation in this sphere.

Общепризнанно, что обеспечение законности – важнейшая сфера функционирования правовой системы государства. Актуальность этой задачи в первую очередь обусловлена необходимостью дальнейшего развития процесса построения в Республике Беларусь правового государства. Обеспечение надлежащего уровня соблюдения требований законности предполагает обеспечение соответствующего уровня защиты прав и свобод человека и гражданина в обществе. Одним из важнейших факторов в этом плане является совершенствование деятельности прокуратуры в данной сфере общественных отношений.

Отметим, что с момента обретения Беларусью независимости законодательство, регулирующее деятельность прокуратуры, претерпело ряд существенных изменений, что привело к изменению направлений деятельности данного государственного органа.

Так, первым актом, регулирующим деятельность органов прокуратуры независимой Беларуси, стал Закон Республики Беларусь от 29 января 1993 г. «О прокуратуре Республики Беларусь» [1]. В соответствии со ст. 2 Закона к целям деятельности прокуратуры относилась и защита прав и свобод граждан, что свидетельствует о внимании законодателя к данному аспекту.

Дальнейшее реформирование нормативная правовой основы прокурорского надзора связано с конституционным развитием белорусского государства. Конституция Республики от 15 марта 1994 г. в разделе IV «Государственный контроль и надзор» содержала главу 7, состоящую из 4 статей и определившей конституционно–правовой статус органов прокуратуры [2]. Новая редакция Конституции 1994 г., принятая на Республиканском референдуме 24 ноября 1996 г., в целом сохранила неизменным конституционно–правовой статус органов прокуратуры. К сожалению, Конституция Республики Беларусь в статьях главы 7 напрямую не содержала упоминаний о необходимости защиты прав и свобод граждан органами прокуратуры. В то же время, необходимость обеспечения прав и свобод человека средствами прокурорского надзора вытекала из требований обеспечения общего надзора, закрепленного в Конституции Республики Беларусь.

Дальнейшее совершенствование деятельности органов прокуратуры по защите прав и законных интересов граждан связано с принятием Закона Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. «О прокуратуре Республики Беларусь» (далее – Закон о прокуратуре), являющегося на данный момент основным нормативным правовым актом, регламентирующим осуществление прокурорского надзора [3]. Данный акт в п. 1 ст. 4 прямо закрепил, что одной из задач прокуратуры является защита прав и законных интересов граждан и организаций.

Таким образом, анализ приведенных правовых актов показывает, что с момента обретения независимости защита прав и законных интересов граждан последовательного относилась законодателем к числу приоритетных задач органов прокуратуры. Подтверждением данному тезису служит и тот факт, что форма статистического отчета «О работе прокурора» (Форма П) содержит специальный раздел, отражающий статистические данные об осуществлении надзора за исполнением законодательства о правах и свободах человека и гражданина [4]. Данный раздел содержит информацию о числе проверок по данному участку прокурорской деятельности, актах прокурорского реагирования, выявленных должностных лицах, допустивших нарушения законности и т.д.

Об актуальности данного направления прокурорской деятельности свидетельствуют и статистические данные о числе проверок, проведенных органами прокуратуры по отраслям законодательства. Так, всего в 2010 г. было проведено 9066 проверок, в 2011г.– 8320, в 2012 г. – 9393. В то же время, органами прокуратуры было проведено проверок о правах и свободах человека и гражданина: в 2010 г. – 3447 (38 % от общего числа), в 2011 г.– 3315(40 % от общего числа), в 2012 г. – 3232 (34 % от общего числа) [5, с. 164].

Отметим, что создание в 2011 г. Следственного комитета Республики Беларусь ознаменовало дальнейшую оптимизацию структуры органов прокуратуры, а также поставило вопрос об изменении направлений деятельности данного государственного органа. В связи с

данными обстоятельства в прокурорской деятельности на первый план выдвигаются вопросы обеспечения законности в сфере государственного управления, защита прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц, и т.д. Как представляется, подобное кардинальное изменение приоритетов прокурорской деятельности должно быть соответствующим образом отражено посредством совершенствования нормативной базы, регламентирующей правовой статус органов прокуратуры Республики Беларусь.

В связи с указанными обстоятельствами интерес представляет анализ законодательства сопредельных государств, регулирующего деятельность органов прокуратуры, на предмет закрепления норм, направленных на обеспечении прав и свобод человека и гражданина.

Так, п.1 ст. 2 Модельного закона «О прокуратуре» содержит норму, что прокуратура действует в целях обеспечения верховенства законов, защиты прав и свобод человека и гражданина [6]. В соответствии с п. 2 ст. 2 указанного акта, одной из основных задач прокуратуры является принятие мер по предупреждению, пресечению и устранению нарушений конституции и законов, прав и свобод человека и гражданина. Кроме того, Закон в прямо главе 4 закрепляет надзор за соблюдением законов, прав и свобод человека и гражданина как самостоятельную отрасль прокурорского надзора с собственным предметом и полномочиями прокуроров для ее осуществления. Подчеркнем, что авторы Закона размещают указанную отрасль в тексте нормативного правового акта даже раньше надзора за соблюдением конституции и законов при принятии правовых актов – старейшей отрасли надзорной деятельности. Указанные факты свидетельствуют о большом значении, которое разработчики закона уделяют вопросам обеспечения прав и свобод человека и гражданина.

Аналогичным образом поступил и российский законодатель. В соответствии с п. 2 ст. 1 Федерального закона от 17 января 1992 г. «О прокуратуре Российской Федерации», в числе целей деятельности прокуратуры указана защита прав и свобод человека и гражданина [7]. Отметим, в разделе III Закона перечислены отрасли прокурорского надзора, в т.ч. и надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина. В то же время, указанная отрасль в тексте нормативного правового акта следует после надзора за исполнением законов.

По всей видимости, аналогичных позиций придерживались и авторы Закона Республики Казахстан от 21 декабря 1995 г. «О Прокуратуре» [8]. В ст. 4 закона в числе целей прокуратуры указана защита прав и свобод человека и гражданина. Кроме того, нормы главы 4 закрепляют самостоятельную отрасль прокурорского надзора – за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, интересов юридических лиц и государства.

Украинский законодатель действовал схожим образом, указав в п.1 ст. 1 Закона о прокуратуре среди целей прокуратуры необходимость обеспечения прав и свобод человека [9]. В то же время, как представляется, в свете утраты украинской прокуратурой функции

общего надзора возможность обеспечения прав и свобод человека и гражданина существенно сократилась.

Отметим, что аналогичные формулировки предусмотрены законодательством о прокуратуре большинства стран СНГ. Таким образом, анализ нормативных правовых актов, регулирующих деятельность органов прокуратуры в сопредельных государствах применительно к вопросу обеспечения прав человека, позволяет сформулировать ряд предложений по совершенствованию национального законодательства в исследуемой сфере:

– целесообразно рассмотреть вопрос об использовании в национальном законодательстве о прокуратуре термина «права и свободы человека и гражданина» вместо «прав и законных интересов граждан», поскольку оно является более корректным, а также будет способствовать большей унификации законодательства в рамках СНГ и ЕАС;

– целесообразно рассмотреть вопрос о закреплении в Законе о прокуратуре самостоятельной отрасли прокурорского надзора – за соблюдением прав и свобод человека и гражданина. Последний будет осуществляться наряду с сохранением традиционного надзора за исполнением законодательства.

Законодательное закрепление указанных новелл, как представляется, усилит внимание органов прокуратуры к правозащитной деятельности, что, в конечном счете, послужит делу обеспечения законности во всех сферах общественной жизни.

1. О Прокуратуре Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь, 29 января 1993 г. (утратил силу) // Ведамасці Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь. – 1993. – № 10.– ст. 95.
2. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – 10-е изд., стер. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2014. – 62 с.
3. О прокуратуре Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 8 мая 2007 г. (с изм. и доп.) // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.
4. Об утверждении формы статистического отчета «О работе прокурора» (форма П) и Инструкции по составлению статистической отчетности о работе прокурора по форме П: приказ Генер. прокурора Респ. Беларусь, 24 февраля 2010.г., № 15.
5. Правонарушения в Республике Беларусь / В. И. Зиновский [и др.]. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2013. – 174 с.
6. Модельный закон о прокуратуре: постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств, 16 ноября 2006 г. №

- 27–6 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.
7. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон, 17 января 1992 г. (с изм. и доп.) // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2014.
8. О прокуратуре: Закон Республики Казахстан, 21 декабря 1995 г. (с изм. и доп.) [Электронный ресурс] / Генеральная прокуратура Республики Казахстан. – Режим доступа: <http://prokuror.gov.kz/rus/o-prokurature/normativnye-pravovye-akty/zakon-o-prokurature>. – Дата доступа: 12.12.2014.
9. О прокуратуре: Закон Украины, 31 октября 2013 г. [Электронный ресурс] / Главный правовой портал Украины. – Режим доступа: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/JG2QD00I.html. – Дата доступа: 12.12.2014.

Права заключенных женщин в системе уголовного правосудия

Краснобаева Л.А., Сеница И.М., УО «Гомельский государственный университет имени Ф.Скорины»

The article examines international legal regulation, namely UN rules (the Bangkok Rules 2010, the Beijing Rules 1985, the Tokyo Rules 1990 etc.) of women prisoners giving special attention to treatment and protection of women juveniles deprived of their liberty.

Международные документы в области прав человека относят женщин и молодежь к уязвимым группам населения. Попадая в сферу уголовного правосудия, они нуждаются в специальных мерах по защите прав и законных интересов. Являясь неотъемлемой частью прав человека, они, тем не менее, не реализуются в достаточной мере ни в одном государстве.

К международным актам, регулирующим правовое положение заключенных женщин, относятся: Минимальные стандартные правила обращения с заключенными [1], Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила)[2] и Правила Организации Объединенных Наций, касающиеся обращения с женщинами-заключенными и мер наказания для женщин-правонарушителей, не связанных с лишением свободы (Бангкокские правила)[3].

Бангкокские правила состоят из 70 правил, которые рассматривают вопросы, касающиеся положения женщин в системе уголовного правосудия, а именно, доступ к мерам, не связанным с лишением свободы; положения, действующие после вынесения приговора; режим исполнения наказания, в том числе: регистрация и размещение; охрана здоровья; дисциплина и наказание; контакты с внешним миром; персонал исправительных учреждений и профессиональная подготовка; меры, не связанные с лишением свободы; условно-досрочное освобождение заключенной и другие. Уделено внимание особым потребностям беременных женщин, кормящих матерей, женщин, имеющих на иждивении детей, несовершеннолетних правонарушителей женского пола, иностранных граждан, меньшинств и коренных народов.

Бангкокские правила являются первым международным документом, который конкретно рассматривает вопрос детей женщин-заключенных. Они предоставили набор базовых рекомендаций по поводу того, как обращаться с детьми, находящимися со своими матерями в тюрьмах, детьми, посещающими своих матерей в тюрьмах, и рекомендации, которые должны быть приняты во внимание при принятии решений о разделении матерей со своими детьми.

Положению несовершеннолетних заключенных женского пола в системе уголовной юстиции специально посвящены Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) [4], Руководящие принципы Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы), принятые 14 декабря 1990 года [5]. Бангкокские правила и Пекинские правила имеют рекомендательный характер и применяются с учетом экономических, социальных и культурных условий того или иного государства.

Пекинские правила гласят, что «несовершеннолетним является ребенок или молодой человек, который в рамках существующей правовой системы может быть привлечен за правонарушение к ответственности в такой форме, которая отличается от формы ответственности, применимой к взрослому». Они не уточняют возраст, с которого несовершеннолетние могут привлекаться к ответственности за правонарушения или признаваться взрослыми, но указывают, что следует прилагать усилия для распространения принципов правосудия для несовершеннолетних на молодых совершеннолетних людей.

Данный международный документ определяет принципы обращения с несовершеннолетними правонарушителями на всех стадиях уголовного правосудия, включая отбывание уголовного наказания. Помещение несовершеннолетнего в исправительное

учреждение определяется как крайняя мера, принимаемая в течение минимально необходимого срока.

Пекинские правила рекомендуют к исправляющимся применять условное освобождение в более широких масштабах и по возможности в ранние сроки. Освобождающиеся условно из исправительных учреждений должны получать социальную поддержку со стороны общины и находиться под надзором компетентного учреждения. Следует прилагать усилия для использования таких промежуточных для лишения свободы форм работы, как «исправительное учреждение с ослабленным режимом, воспитательные дома, центры дневной подготовки» и другие аналогичные им соответствующие формы, которые могут способствовать «надлежащей реинтеграции несовершеннолетних в жизнь общества».

В отличие от Минимальных стандартных правил обращения с заключенными Токийские правила распространяются на всю сферу уголовной юстиции (от стадии возбуждения уголовного дела до последующей ресоциализации виновного). Они содержат свод основных принципов для содействия использованию мер, не связанных с лишением свободы, а также минимальные гарантии для лиц, в отношении которых применяются уголовно-правовые меры, не связанные с реальным лишением свободы.

Согласно, п. 8.1 Токийским правилам «судебный орган, имея в своем распоряжении выбор не связанных с тюремным заключением мер, должен при вынесении своего решения принимать во внимание потребности правонарушителя с точки зрения его возвращения к нормальной жизни в обществе, интересы защиты общества и интересы жертвы, с которой в надлежащих случаях следует консультироваться» [1].

Токийские правила включают меры, альтернативные тюремному заключению (ст. 8.2), например, условное освобождение от ответственности; экономические санкции и денежные наказания такие, как разовые штрафы и поденные штрафы; условное наказание или наказание с отсрочкой и др. В европейских странах с континентальной системой права (Франция, Швеция) термин «пробация» употребляется и как институт, сопровождающий условное лишение свободы, и как институт отсрочки вынесенного приговора.

Проблемным вопросом является правовое положение несовершеннолетних заключенных женского пола. Минимальными стандартными правилами обращения с заключенными практически не рассматриваются и не реализуются права несовершеннолетних женского пола как специфической категории осужденных, требующих особого отношения ввиду половозрастных, психологических и иных особенностей. В то же время Бангкокские правила достаточно подробно рассматривают отдельные особенности отбывания наказания в условиях изоляции несовершеннолетними женского пола. В

частности, они требуют от администрации исправительных учреждений принимать меры для удовлетворения потребностей несовершеннолетних женщин-заключенных в защите, гарантируют этой категории лиц равные права с осужденными несовершеннолетним заключенным мужского пола и со взрослыми заключенными женского пола. Дополнительно указывается, что несовершеннолетние заключенные женского пола имеют доступ к программам и услугам, учитывающим их возраст и пол, например консультирование по вопросам сексуального надругательства или насилия, проходят обучение по вопросам охраны здоровья женщин и имеют регулярный доступ к гинекологу наравне со взрослыми заключенными женского пола.

Таким образом, в настоящее время назрела необходимость рассмотреть комплекс проблем защиты прав женщин и несовершеннолетних женского пола в заключении, в том числе проблему замены лишения свободы альтернативными мерами ответственности.

1. Минимальные стандартные правила обращения с заключенными [Электронный ресурс] // ООН. – Режим доступа: <http://www.un.org/russian/documen/basicdoc/statut.htm>. – Дата доступа: 25.10.2014.
2. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила) Приняты 45/110 Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1990 года [Электронный ресурс] // ООН. – Режим доступа: <http://www.un.org/russian/documen/basicdoc/statut.htm>. – Дата доступа: 11.10.2014.
3. Правила Организации Объединенных Наций, касающиеся обращения с женщинами-заключенными и мер наказания для женщин-правонарушителей, не связанных с лишением свободы (Бангкокские правила): Приняты резолюцией 65/229 Генеральной Ассамблеи от 21 декабря 2010 года [Электронный ресурс] // ООН.– Режим доступа: <http://www.un.org/russian/documen/basicdoc/> . – Дата доступа: 10.10.2014.
4. Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила): Приняты резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985 года [Электронный ресурс] // ООН – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml. – Дата доступа: 27.10.2014.
5. Руководящие принципы Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы): Приняты резолюцией 45/112 Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1990 года [Электронный ресурс] // ООН – Режим доступа:

http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/juveniles_deinquency_prevention.shtml. – Дата доступа: 27.10.2014.

Право на жилище в БССР в период становления советского права (1917 – 1920-е гг.)

Бураков В.Н., Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова

The article deals with the changes of civil law in the sphere of housing, connected with the Soviet Government establishment in BSSR. Housing law was forming in accordance with the principles of Soviet Law. During the period of 1917 – 1920 it was characterized by the formation of housing, norms setting of dwelling use and living-space distribution between workers and employees.

In 1920s the institute of Soviet Law dwelling possession was being formed. It was characterized by the restriction of the right of dwelling use and disposal

Право на жилище является основным конституционным социальным правом человека. В Республике Беларусь оно закреплено положениями Конституции о развитии государственного и частного жилищного фонда, содействии гражданам в приобретении жилья, государственной поддержке в обеспечении жильем граждан, нуждающихся в социальной защите. Основной закон гарантирует принцип неприкосновенности жилища, охрану жилищных прав граждан. Данные положения конституции и их реализация в государственной жилищной политике соответствуют нормам международного права.

Право на жилище получило конституционное закрепление сравнительно недавно. В БССР институт жилищного права имел свои особенности. Конституции 1919 и 1927 гг. не отражали в качестве отдельного положения право на жилище, рассматривая его в контексте прав и свобод трудящихся. В Конституции БССР 1937 г. был определен принцип неприкосновенности жилища и охрана его законом. Впервые право на жилище получило закрепление в Конституции БССР 1978 г. положениями о неприкосновенности жилища; обеспечении развития государственного, кооперативного и индивидуального жилищного фонда; справедливом распределении жилой площади; невысокой плате за квартиру и коммунальные услуги.

Принципы советского жилищного права были сформированы и апробированы в 1920-е гг. в соответствии с идеей создания социалистического государства. Систематизированного законодательного акта, регулирующего жилищные отношения, не было. Источниками жилищного законодательства являлись декреты и постановления центрального и местных исполнительных комитетов, Совета Народных Комиссаров, распоряжения, инструкции и

циркуляры народных комиссариатов внутренних дел, здравоохранения, труда и финансов, статьи Гражданского кодекса. Определение главных направлений и обоснование механизмов осуществления жилищной политики выполняла Коммунистическая партия, так как являлась институтом, который формировал идеологию советского государства и оказывал влияние на деятельность органов власти.

Попытки кодификации жилищно-правовых норм осуществлялись в 1920-е гг. дважды. В 1923 г. Жилищный кодекс разрабатывался Главным управлением коммунального хозяйства РСФСР, однако он не был принят. В 1929 г. НКВД Белоруссии разработал проект Жилищного кодекса, который был направлен в различные ведомства для согласования [1, л. 2–170]. По причине изменения принципов внутренней политики государства он так и не был утвержден.

Октябрьская революция и установление советской власти на территории Беларуси обусловили радикальные преобразования всех сфер общественной жизни, включая жилищные и связанные с ними гражданские отношения. В 1917 – 1920 гг. были проведены первые преобразования в сфере жилья. Они осуществлялись в условиях жилищного кризиса, когда в крупных городах белорусских губерний на одного человека приходилось в среднем 2 – 2,5 кв.м. жилплощади, и сочетали в себе принципы решения задачи обеспечения жильем рабочих и служащих в соответствии с социалистическим устройством общества. Основным направлением решения данной проблемы была частичная экспроприация жилищного фонда и его последующее распределение нуждающимся.

Формирование нового жилищного права началось с первых дней советской власти. 30 октября 1917 г. постановлением НКВД «О правах городских самоуправлений в деле регулирования жилищного вопроса» местным органам власти предоставлялось право секвестровать пустующие жилые помещения и расселять в них нуждающихся, что послужило началом формирования государственного фонда и распределения жилой площади. 20 ноября 1917 г. председатель правительства В.И. Ленин подписал «Тезисы закона о конфискации домов со сдаваемыми в наем квартирами», в соответствии с которым национализировались дома, сдаваемые в наем.

С целью предстоящего обобществления земли в городах с 18 декабря 1917 г. были запрещены сделки по продаже, покупке, залогу всей недвижимости и земли. В марте 1918 г. был опубликован «Проект декрета о вселении семейств красноармейцев и безработных рабочих в квартиры буржуазии и нормировке жилых помещений». Руководствуясь данным проектом, местные Советы приступили к муниципализации крупных домовладений, выселению буржуазии и заселению на ее площадь семей рабочих.

Государственная жилищная политика в Советской Беларуси сформировала совершенно новые принципы регулирования гражданских отношений в частном фонде.

Основным признаком, характеризующим владение жилой собственностью при социалистическом строе, является ограничение права в ее пользовании и распоряжении.

Декрет «О запрете сделок с недвижимостью» от 14 декабря 1917 г. законсервировал вторичный рынок жилья. Запретив сделки, связанные с приобретением жилой площади, власть создала условия для разработки принципов регулирования отношений в частновладельческом секторе.

Декрет «Об отмене права частной собственности на недвижимости в городах» от 20 августа 1918 г. лег в основу жилищной политики в отношении частных домовладений. Отмена частной собственности на землю, включая селитебную, образовала новые отношения владельца жилого строения и государства, в лице местных Советов. Собственник дома стал пользоваться земельным участком под строением в пределах нормы на праве бессрочной аренды.

Следующее изменение, которое внес этот декрет, касалось нового строительства. В крупных городах с населением свыше 10 тыс. жителей право застройки принадлежало только государственным органам. Этим власть, законсервировав до этого вторичный рынок, запретила и первичный рынок жилья. Физические лица, проживающие в крупных городах, были лишены возможности и права обеспечить себя жильем самостоятельно, путем возведения дома.

Положения указанного декрета были основанием для изъятия доли частновладельческого сектора в государственную собственность. Согласно декрету, в городах с населением более 10 тыс. человек отменялось право частной собственности на дома, стоимость которых превышала предел, устанавливаемый местными органами власти, 10 – 12 тысяч рублей, и площадью более 113,75 кв.м. В первую очередь переводу в государственную собственность подвергались строения, которые обладали следующими признаками: дома, ранее сдававшиеся в наем, дома буржуазии, также крупные, каменные и этажные дома, жилые здания, расположенные в центре города или имеющие торговые площади. В городах с меньшим количеством населения муниципализация проводилась по решению местных Советов.

Бывшие владельцы национализированных домов получили право занимать часть дома в соответствии с жилищной нормой, были обязаны нести расходы наравне с другими квартиронанимателями. В муниципализированные дома переселялись рабочие. Принятые меры позволили частично снизить напряженность в сфере обеспечения жильем. В 1923 г. размер жилой площади на одного человека в окружных городах БССР составил в среднем 7,06 кв.м. [2, л. 45]. Всего в Беларуси подверглось обобществлению около 5 тыс. домовладений общей жилой площадью 1365 тыс. кв.м. [3, с. 36]. Государственный сектор составил значительную часть жилищного фонда страны (более 35 %).

С целью обеспечения наибольшего количества населения жильем было введено ограничение пользования жилплощадью. Властью были установлены квоты эксплуатации жилья. Норма жилплощади была утверждена 17 июля 1919 г. и определялась в 8,25 кв.м. В июле 1922 г. она была увеличена до 9 кв.м. и на протяжении 1920-х гг. практически не изменилась. Являясь минимальным размером жилплощади, в условиях острой жилищной нужды эта норма фактически стала допустимым пределом. Жилплощадь, свыше установленной нормы, считалась излишком и подлежала изъятию.

Для совершенствования процедуры распределения жилой площади 25 мая 1920 г. был принят декрет «О мерах правильного распределения жилищ среди трудящегося населения». На основании декрета подлежала изъятию вся жилая площадь, занимаемая гражданами сверх установленных норм. При наличии оснований для уплотнения, то есть вселения в квартиру нового жильца, проживающим в ней лицам предоставлялась возможность самим в течение двух недель подыскать себе сожителя. В противном случае отдел коммунального хозяйства проводил уплотнение принудительно, вселяя посторонних лиц на свободную площадь. В 1920-е гг. был принят ряд законов, которые предоставляли основания для вселения и выселения граждан, регламентировали порядок обеспечения или лишения жилплощади. При этом лица из числа рабочих и служащих могли быть выселены только с предоставлением другого жилого помещения. К концу 1920-х гг. лица категории «нетрудовой элемент» были выселены из коммунального фонда без предоставления другого жилья.

Что касается частного жилищного фонда, то маломерные дома, в которых проживали владельцы, оставались в их собственности. Однако право собственности не соотносилось с фактическим положением дел. В соответствии с первыми декретами домовладелец не мог распоряжаться домом по своему усмотрению, не мог продать и заложить его, выселить жильцов. Было ограничено также право наследования. Лишь в начале 1920-х гг., правительство было вынуждено провозгласить право частной собственности на немунципализированные строения. В августе 1921 г. был вновь разрешен вторичный рынок жилья. Однако сделка купли-продажи могла быть осуществлена при условии, чтобы в руках покупателя не оказалось двух и более владений, а продавец мог совершать отчуждение (продажу) не более одного владения в течение 3 лет. С 1922 г. закон гарантировал право наследования по завещанию и по закону. Оно предоставлялось только супругам и детям в пределах общей стоимости наследства до 10 тыс. рублей.

Ограничения права собственности были и в праве возведения жилых строений физическими лицами. С 1921 г. возведение домов частными лицами было разрешено, но на праве застройки, то есть с условием срочного пользования жилым строением и возмездной

передачей в государственный фонд. При строительстве деревянного дома договор мог быть заключен на срок до 60 лет, при постройке каменного строения – до 80 лет.

Таким образом, жилищное право 1920-х гг. характеризуется ликвидацией частной собственности на землю, образованием государственного фонда, разработкой принципов и норм пользования жильем, ограничением права частной собственности на жилое помещение.

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ) – Ф. 333. – Оп. 1. – Д. 403. – Проект жилищного кодекса Белорусской ССР.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 31. – Оп. 1. – Д. 18. – Доклады и ведомости коммунального хозяйства БССР на 1.10.1925 г. и обзор деятельности УКХ НКВД с 1.10.1924 г.
3. Агляд дзейнасці СНК і Эканамічнае нарады БССР. – Мінск : Выд-ва Кіраўніцтва спраў СНК, 1927. – 98 с.

Принципы и методы правового регулирования отношений в сфере защиты прав землепользователей

Хотько О.А., Белорусский национальный технический университет

Legal regulation of land users rights protection are analyzed in the article. The author identifies specific principles and methods that should form the basis of the legislation on land use to promote sustainable development of the relations in this area.

В современных условиях защиты прав человека и гражданина приобретает первостепенный характер в деятельности государства. Согласно ст. 59 Конституции Республики Беларусь «государственные органы, должностные лица и иные лица, которым доверено исполнение государственных функций, обязаны в пределах своей компетенции принимать необходимые меры для осуществления и защиты прав и свобод личности». Ст. 71 Кодекса Республики Беларусь о земле (далее – КоЗ) «Защита прав землепользователей» гласит, что «нарушенные права землепользователей подлежат восстановлению в соответствии с настоящим Кодексом и иными актами законодательства» [1]. Однако, в названном Кодексе не указано, какими мерами обеспечивается защита их прав. Следует обратить внимание, что для реализации прав землепользователей недостаточно только их констатации посредством закрепления в ст. 69 КоЗ. Поэтому следствием закрепления прав

землепользователей должен быть надежный механизм их реальной защиты со стороны государства и со стороны общества.

Особенно актуальными при исследовании вопроса защиты прав субъектов при использовании земельных участков является выявление принципов, на базе которых осуществляется и должна осуществляться их защита и методов, т.е. совокупности средств и способов защиты их прав.

Принципы в праве уже не одно столетие являются предметом изучения юристами-теоретиками и юристами-практиками. В ст. 5 КоЗ Республики Беларусь закреплены основные начала земельных отношений, в соответствии с которыми они складываются. Многие из них можно отнести к принципам, на которых базируется система защиты прав землепользователей. Например, на защиту их прав направлен принцип обязательной государственной регистрации земельных участков, прав на них и сделок с ними, участия общественности при принятии решений о предоставлении или изъятии земельных участков, изменении их целевого назначения, установлении ограничений и обременений на земельные участки. На основании анализа белорусского законодательства и исходя из таких критериев, как существо содержания, природоохранная, экономико-социальная направленность, особые условия землепользования, влияние на осуществление хозяйственной деятельности, недополучение выгоды при осуществлении землепользования, специальными принципами защиты землепользователей выступать следующие:

- 1) принцип системности (правовое обеспечение защиты прав землепользователей осуществляется с учетом положений других нормативных правовых актов);
- 2) учета государственных, общественных и частных интересов при решении вопросов, касающихся осуществления прав землепользователей или сбалансированности интересов;
- 3) законности (применение мер защиты на основании нормативных правовых актов в соответствии с правовыми предписаниями);
- 4) равенства участников земельных отношений;
- 5) недопущение необоснованных ограничений прав землепользователей;
- 6) участия общественности при изъятии земельных участков для государственных нужд, установлении ограничений прав на земельные участки;
- 7) информирования землепользователей об установленных на земельных участках земельных сервитутах, ограничениях и обременениях прав на земельные участки;
- 8) возможность обращения в суд за защитой нарушенного права либо для обжалования принятого решения.

Именно эти основополагающие начала предлагается обозначить как специальные принципы основного, закреплённого в абз. 12 ст. 15 КоЗ, принципа защиты прав землепользователей с той целью, чтобы структурно защита прав землепользователей была представлена как процесс открытый, четкий и прозрачный.

Отдельно стоит уделить внимание принципу, связанному с учетом мнения общественности при установлении ограничений и обременений прав на земельные участки и впервые закреплённого в КоЗ. Правом участия в рассмотрении вопросов в области использования и охраны земель наделены не только сами землепользователи, но и другие граждане, общественные объединения и организации, права и защищаемые законом интересы которых затрагиваются в связи с принятием государственными органами решений в отношении чужих земельных участков. Закреплённый в ст. 5 КоЗ принцип гласности и учета общественного мнения при принятии решений об установлении ограничений (обременений) прав на земельные участки, а также норма ст. 22 КоЗ об участии граждан при принятии решения об изъятии земельного участка, установлении ограничений прав на земельные участки не имеет должного толкования, а соответственно, механизм из реализации остается до конца неясным, поскольку не представлено понимания рассматриваемого принципа и возможности осуществления данного права (участия граждан) в земельно-правовой науке. На наш взгляд, участие общественности при принятии решений в отношении прав на земельные участки может осуществляться посредством осуществления гарантированных законодательством прав (создание общественных объединений, обращение в органы государственного управления и т.д.), а формами выражения такого участия могут быть собрания граждан, референдум, обращение в органы государственного управления для обжалования принятого решения, подача искового заявления в суд. Например, землепользователи должны иметь возможность ходатайствовать перед государственными органами о прекращении ограничений прав на земельные участки в случае, если нет оснований для их сохранения. Таким образом, принципы защиты прав на земельные участки следует считать в качестве одного из важнейших направлений в осуществлении государственной политики в области использования и охраны земель и одновременно достижения важнейшей цели – соблюдения прав человека.

2. Реализация принципов правоотношений проявляется в определенных методах, которые используются в целях защиты прав субъектов. Особые методы правового регулирования правоотношений признаются вторым критерием признания отдельной отрасли науки самостоятельной. Следовательно, возникает вопрос, присущи ли методы правового регулирования отношениям в сфере защиты прав землепользователей. Метод включает в себя совокупность средств и способов государственного регулирования

правоотношений. Юридические средства представляют собой правовые явления, выражающиеся в инструментах (установления) и деяниях (технологиях), при помощи которых удовлетворяются интересы субъектов права, обеспечивается достижение социально-полезных целей. Нам представляется, что анализ земельного законодательства показывает достаточное наличие таковых инструментов – взаимодействующих между собой дозволений, запретов и обязываний. Соответственно, присущие теории земельного права два противоположных императивный и диспозитивный методы в сфере защиты прав землепользователей действуют в сочетании. К императивному методу можно отнести такие способы регулирования, как власти и подчинения, приказа, которые выражаются в законодательном закреплении обязанностей землепользователей (например, соблюдать установленные ограничения прав на земельные участки, возместить затраты на осуществление возврата самовольно занятого земельного участка, сноса самовольной постройки и приведения земельного участка в пригодное состояние для использования по целевому назначению состояние и др.) и государственных органов управления и регулирования, направленных на защиту прав землепользователей (возмещение убытков при изъятии земельных участков для государственных нужд и т.д.). Приведем один пример. В законодательстве о государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним предусмотрен лишь заявительный принцип регистрации ограничений прав на земельные участки. Но обстоятельства установления ограничений могут возникнуть и после предоставления земельного участка, а они могут оказаться не зарегистрированными, поскольку сам землепользователь не имеет заинтересованности в ущемлении своих правомочий. Однако целью их являются государственные интересы, поэтому целесообразно установить контроль за своевременной регистрацией ограничений прав, установленных не в связи с предоставлением участка, закрепив такое положение в КоЗ. В случае несоблюдения данных требований возложить на землепользователей применение мер ответственности. Четкий контроль за использованием и охраной земель как элемент императивного метода необходим в связи с тем, чтобы сохранить как земельные, так и иные природные ресурсы, а также обеспечить иные цели ограничений прав на земельные участки. В свою очередь диспозитивный метод представляет возможность самим участникам правоотношений самостоятельно определять свое поведение в рамках правовых предписаний и устанавливать меры защиты своих прав. Например, каждый может требовать установление сервитута для обеспечения прохода или проезда на свой земельный участок путем заключения соглашения с лицом, предоставляющим такой земельный сервитут.

В результате вышеизложенного, отметим, что способы и средства, с помощью которых происходит воздействие на общественные отношения в сфере защиты прав

землепользователей законодательно закреплены в разрозненном виде, однако базироваться они должны на совокупности принципов, сущность которых имеет немаловажное значение в силу того, что их четкая структура будет являться фундаментом для новых правовых норм, которые усовершенствуют правовое регулирование защиты прав землепользователей и способствовать устойчивому развитию отношений в области землепользования. В качестве практических рекомендаций предлагаем изложить п. 4 Указа Президента Республики Беларусь от 27 декабря 2007 г. № 667 «Об изъятии и предоставлении земельных участков» в следующем содержании: «Местные исполнительные комитеты формируют перечни свободных (незанятых) земельных участков, в том числе с расположенными на них неиспользуемыми объектами недвижимости, подлежащими сносу (далее – свободные (незанятые) земельные участки) *с указанием ограничений в использовании*»

Благодаря представленным в настоящем исследовании принципам и указанным методам их реализации защиты можно утверждать, что при их применении цель обеспечения интересов всех землепользователей будет достигнута, а в целом правовой статус будет отвечать не только Конституции, но и международным требованиям.

1. Кодекс Республики Беларусь о земле : Кодекс Респ. Беларусь, 23 июля 2008 г., № 425-З : принят Палатой представителей 17 июня 2008 г. : одобр. Советом Респ. 28 июня 2008 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 07.01.2011 г. // Консультант Плюс : Беларусь. / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.

Права инвалидов и налоговые обязательства
Можаева Л.Е., УО «Гомельский государственный университет
имени Ф.Скорины»

The article is devoted to legal regulation of disabled people status in the legislation of the Republic of Belarus. The author argues the need to amend national legislation to improve the situation of disabled people in the labor market and to ensure their right to work.

В Республике Беларусь вопросы статуса и правового положения инвалидов регулируются Конституцией Республики Беларусь, рядом общих и специальных актов законодательства. В определениях «инвалид» и «инвалидность», закрепленных в белорусском законодательстве, акцент сделан на то, что инвалид ограничен в

жизнедеятельности, что выражается в полной или частичной утрате лицом способности или возможности осуществлять самообслуживание, самостоятельно передвигаться, ориентироваться, общаться, контролировать свое поведение, а также заниматься трудовой деятельностью, что приводит к невозможности для лица выполнять повседневную деятельность способом и в объемах, обычных для здорового человека. Все это выдвигает барьеры в среде обитания инвалида и ставит его в неравное, явно невыгодное положение по сравнению со здоровыми людьми, делает его неконкурентоспособным в социальной среде и, особенно, на рынке труда. Это вызывает необходимость содействия обеспечению инвалидам надлежащего уровня жизни путем разработки и закрепления мер по трудоустройству инвалидов, поскольку имея право на труд, многие из них сталкиваются с определенными трудностями при трудоустройстве и нуждаются в особой поддержке общества. В связи с этим государственная политика должна ориентироваться на активные меры содействия занятости и быть нацеленной на стимулирование нанимателей в сфере занятости инвалидов, а не только на социальную поддержку людей с ограниченными возможностями.

В Республике Беларусь по состоянию на 1 ноября 2014 года на учете в органах по труду, занятости и социальной защите состоит 536 755 инвалидов, в том числе: инвалидов I группы – 81 498 человек; II группы – 270 745 человек; III группы – 157 133 человека; детей-инвалидов в возрасте до 18 лет – 27 379 человек. Удельный вес инвалидов в общей численности населения республики составляет 5,6 процента [1]. Если отнять от общей численности инвалидов детей-инвалидов и инвалидов I группы, то около 400 тыс. инвалидов потенциально в различной степени способны реализовывать свое право на труд. Вместе с тем, удельный вес работающих, среди инвалидов в возрасте 18 лет и старше, составляет менее 20 %. Самый высокий удельный вес работающих среди инвалидов III группы – почти 45%, в то время как среди инвалидов II группы – менее 10%, I группы – около 3%.

Правительство Республики Беларусь рассматривает инвалидов как одну из приоритетных групп населения в плане социального обеспечения и социальной помощи. Вместе с тем, наряду с социальной защитой инвалидов, выражающей особую заботу государства о лицах, которые в силу определенных, не зависящих от них обстоятельств не в состоянии наравне конкурировать с другими лицами, на законодательном уровне необходимо формировать подход и принимать меры по интеграции инвалидов в общую и нормальную жизнь, их полного участия во всех сферах жизнедеятельности.

В соответствии с Законом Республики Беларусь "О занятости населения Республики Беларусь" государственная политика в области содействия занятости населения направлена, в том числе, на поощрение нанимателей, сохраняющих действующие и создающих новые

рабочие места, в том числе для граждан, особо нуждающихся в социальной защите и не способных на равных условиях конкурировать на рынке труда [2, ст.10 ч.2].

Как показывает практика, правовые гарантии для инвалидов (ст. 283, 287 Трудового кодекса Республики Беларусь) зачастую являются причиной, по которой наниматели избегают найма инвалидов, поскольку это предполагает дополнительные обязанности нанимателя, снижение производительности труда ввиду физических или умственных ограничений при отсутствии дополнительных стимулов для найма такой категории граждан.

Остановимся более подробно на анализе норм налогового законодательства, поскольку они могут служить одним из экономических стимулов для нанимателя при приеме на работу инвалидов.

В соответствии с пп.1.16 п.1 ст.94 Налогового кодекса Республики Беларусь (далее – НК) освобождаются от налога на добавленную стоимость обороты по реализации на территории Республики Беларусь товаров (работ, услуг), за исключением подакцизных товаров, брокерских и иных посреднических услуг, передачи имущества в аренду (финансовую аренду (лизинг)), произведенных (выполненных, оказанных) плательщиками, у которых численность инвалидов составляет не менее 50 процентов от списочной численности работников в среднем за период с учетом средней численности работающих по совместительству с местом основной работы у других нанимателей, а также средней численности лиц, выполнявших работу по гражданско-правовым договорам (в том числе договорам подряда) [3].

Не являются объектом налогообложения налогом на прибыль дивиденды, начисленные общественным объединениям «Белорусское общество инвалидов», «Белорусское общество глухих» и «Белорусское товарищество инвалидов по зрению» унитарными предприятиями, собственниками имущества которых являются эти объединения [3, ст.126 п.5].

От налогообложения налогом на прибыль освобождается:

- прибыль организаций (в размере не более 10 процентов валовой прибыли), переданная общественным объединениям «Белорусское общество инвалидов», «Белорусское общество глухих», «Белорусское товарищество инвалидов по зрению», «Республиканская ассоциация инвалидов-колясочников», «Белорусская ассоциация помощи детям-инвалидам и молодым инвалидам», унитарным предприятиям, собственниками имущества которых являются эти объединения, или использованная на оплату счетов за приобретенные и переданные указанным организациям товары (работы, услуги), имущественные права [3, ст. 140 п.1 пп.1.2];

- прибыль организаций от реализации произведенных ими протезно-ортопедических изделий (в том числе стоматологических протезов), средств реабилитации и обслуживания инвалидов [3, ст.140 п.1 пп.1.3];

- валовая прибыль (кроме прибыли, полученной от торгово-закупочной и посреднической деятельности) организаций, использующих труд инвалидов, если средняя численность инвалидов в них в среднем за период с начала года по отчетный период включительно составляет не менее 50 % от средней численности работников в этот же период. Расчет численности работников производится в целом по организации, включая филиалы, представительства и иные ее обособленные подразделения [3, ст.140 п.1 пп.1.5].

Освобождаются от земельного налога земельные участки общественных объединений инвалидов (их унитарных предприятий и учреждений), занятые принадлежащими им объектами здравоохранения, туризма, физической культуры и спорта, социального обеспечения, образования, культуры и искусства [3, ст.194 п.1 пп.1.22].

Освобождаются от налога на недвижимость капитальные строения (здания, сооружения), их части, а также машино-места организаций общественного объединения «Белорусское общество инвалидов», общественного объединения «Белорусское общество глухих» и общественного объединения «Белорусское товарищество инвалидов по зрению», а также обособленных подразделений этих организаций при условии, если численность инвалидов в указанных организациях или их обособленных подразделениях составляет не менее 50 % от списочной численности в среднем за период. Расчет численности работников производится в целом по организации, включая филиалы, представительства и иные ее обособленные подразделения [3, ст.186 п.1 пп.1.2].

Освобождаются от государственной пошлины при совершении иных юридически значимых действий, включая предоставление определенных прав или выдачу отдельных документов организации – за выдачу разрешения на допуск транспортного средства к участию в дорожном движении в отношении транспортных средств, предназначенных для передвижения инвалидов [3, ст.257 п.8 пп.8.38].

Таким образом, в Беларуси налоговые льготы в отношении предприятий, использующих труд инвалидов, устанавливаются в виде освобождения от налога, сбора (пошлины).

Вместе с тем, имеющиеся налоговые льготы затрагивают лишь незначительную часть нанимателей – организации с численностью работников-инвалидов более 50% и унитарные предприятия, учрежденные общественными объединениями "Белорусское общество инвалидов", "Белорусское общество глухих" и "Белорусское товарищество инвалидов по

зрению" и унитарные предприятия, собственниками имущества которых являются эти объединения.

К примеру, в систему ОО «Белорусское общество инвалидов» входит 89 предприятий, ОО «Белорусское общество глухих» - 9 предприятий, ОО «Белорусское товарищество инвалидов по зрению» - 15 предприятий. Безусловно, данные предприятия не могут конкурировать с иными коммерческими организациями и в долгосрочной перспективе действовать на рынке без дополнительной поддержки государства в виде предоставления льгот нанимателям, создающим рабочие места (в том числе специализированные) для использования труда инвалидов. Кроме того, белорусским налоговым законодательством не учтены интересы предприятий, создаваемых иными общественными объединениями инвалидов, к примеру, ОО «Республиканская ассоциация инвалидов-колясочников», ОО «Белорусская ассоциация помощи детям-инвалидам и молодым инвалидам» и др.

При этом подавляющее большинство организаций, которые могли бы трудоустроить инвалидов, не имеют каких-либо ощутимых дополнительных преимуществ в связи с этим.

В связи с этим, предлагаем часть прибыли организаций, использующих труд инвалида (инвалидов), независимо от их численного состава освобождать от налога на прибыль. Размер освобождаемой от налогообложения прибыли по данному основанию определить в кратном выражении по отношению к базовой величине. Данным основанием необходимо дополнить ст. 140 Особенной части НК.

Весьма удобной формой трудоустройства инвалидов являются небольшие по численности предприятия, которые можно отнести к субъектам малого предпринимательства. Однако применяемый данными субъектами особый режим налогообложения в виде упрощенной системы не содержит каких-либо налоговых льгот, содействующих занятости инвалидов. В связи с этим предлагаем налогооблагаемую базу организаций, применяющих упрощенную систему налогообложения и использующих труд инвалида (инвалидов), уменьшать в кратном выражении по отношению к базовой величине на каждого работника-инвалида независимо от группы инвалидности.

Данные меры, являющиеся по существу формой государственной поддержки предприятий, использующих труд инвалидов, будут способствовать созданию условий для реализации права инвалидов на труд.

1. Численность инвалидов, состоящих на учете в органах по труду и социальной защите [Электронный ресурс] // Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://mintrud.gov.by>. – Дата доступа: 03.12.2014.

2. О занятости населения Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь от 15 июня 2006 г. №125-З [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь / Национальный центр правовой информ. Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 03.12.2014.
3. Налоговый кодекс Республики Беларусь (Общая и Особенная части): текст по состоянию на 1 янв. 2010 г. – Мн. : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2010. – 672 с.